

Гай Юлий Орловский

Юджин

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Победный «Факел Гаргалота»

Юджин – повелитель времени

Гай Орловский

Победный «Факел Гаргалота»

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Орловский Г. Ю.

Победный «Факел Гаргалота» / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2017 — (Юджин – повелитель времени)

ISBN 978-5-699-85056-3

Находить новые земли за океаном или же терпеливо и скучно развивать экономику королевства? Глерд Юджин принимает решение, достойное не мальчика, но мужа, чему и сам удивился. Однако при всей сложности проблем часть из них удастся решить старым добрым способом: либо острым мечом, либо выстрелом из снайперской винтовки «Баррета СУБ-14М» нового поколения. Но не все.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85056-3

© Орловский Г. Ю., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	47
Глава 10	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Гай Юлий Орловский

Победный «Факел Гаргалота»

© Орловский Г. Ю., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Часть первая

Глава 1

Кое-как выбравшись из качающейся койки, я толкнул дверь каюты и, придерживаясь за откос, чтобы не выпасть на палубу, встал на пороге. Лучи яркого оранжевого солнца ослепили, но я успел увидеть, как по западной части неба быстро мчится раскаленный до изумрудного блеска зеленый сверкающий шар, второе солнце, творящее много зла, если успеваешь пронестись над миром, когда нет оранжевого.

Фицрой в красивой позе бдит на капитанском мостике, надо бы согнать, ну да ладно, строгости буду вводить постепенно, тоталитарная демократия не сразу строилась.

Он оглянулся, заслышав мои шаги, загорелое лицо с ярко-синими глазами радостно одуревшее, просиял от кончика шляпы до подошв, куда прибил две металлические подковки, чтобы при каждом шаге издавали пижонски бодрый стук.

– Юджин! – вскрикнул он пламенно. – Конец Света отступает!.. Край Мира уходит от нас...

– Уплывает, – подсказал снизу от рулевого колеса Джонадер. – Почему-то все уплывает и уплывает.

Я ответил солидным голосом капитана и вообще бывалого морского волка:

– Ничего подобного. Это мы его отодвигаем.

Фицрой распахнул глаза еще шире.

– Мы?.. Это в наших силах?

– Все в силах человека, – сообщил я. – Если человек, конечно, человек, а не...

Он прямо на глазах стал выше, а плечи раздвинулись еще на пару дюймов.

– Тогда попрем так, – пообещал он, – что заморится отступать и утонет! Или рассыплется, если, как говорят жрецы, создан из хрусталя, как и весь небесный свод.

Джонадер сказал с умным видом:

– Точно из хрусталя. Был бы из камня, мы бы что, не увидели стену из воды и до неба?

Я спустился по ступенькам из красного дерева на палубу, прошелся так же по-хозяйски и с чувством глубокого удовлетворения. Это наша новинка. В королевстве Гарн и в Пиксии все еще не знают этой продвинутой технологии строительства каракк и коггов, что просто прекрасно.

Корабль раскачивает сильно, даже мне на ходу приходится хвататься за канаты, удерживающие мачты на распорках. Остальным еще труднее, моя команда вообще не представляла, что корабли могут быть такими огромными, а море вообще без берегов.

Я вспомнил сегодняшний тягостный сон, уже к концу пришло странно щемящее чувство, что вроде бы все хорошо, но все-таки потерпел поражение. И хотя понимаю, все как раз напротив, иду от победы к победе, все цветет и пахнет, однако ощущение провала, отступления, поспешного бегства не уходит.

Поспешного бегства? Какое бегство, я прущу под всеми парусами, победно открывать новые острова и материки!.. Никто не знает, что за океаном, только мне понятно, что либо безлюдные земли, либо люди там намного ниже по развитию, иначе бы уже переплыли океан и сами бы открыли нас. Да так открыли, что лучше не надо.

Нос корабля приподнимается, а потом так же неспешно опускается, это значит, рулевой держит курс на волну, не люблю боковую качку, да и кто ее любит.

С вершины мачты Понсоменер прокричал:

– Слева по борту опять голые бабы!

Я буркнул:

– Дельфины... Хотя, кто знает, какое у Господа чувство юмора.

Фицрой крикнул:

– По какому борту?

– Левому!

Свободные матросы бросились налево, кто же из мужчин упустит зрелище голых баб, я всмотрелся вперед, вздохнул. Когда же Понсоменер запомнит где лево, где право...

Джонадер сказал от руля таким же победным голосом, как и Фицрой:

– Глерд Юджин, все идет просто замечательно?

– Да, – ответил я, – замечательно.

– Пойду посмотрю, – сказал он. – Кербак, поддержи штурвал!

Кербак, его сменщик, ринулся к колесу, а Джонадер тоже бросился к толпе матросов у борта.

Я смотрел ему в спину, все в самом деле хорошо и даже прекрасно, вроде бы надо радоваться, однако странное и нерациональное чувство, что бегу после поражения, только усилилось, хотя и непонятно из-за чего вдруг, хотя и не вдруг.

Вообще-то, если порыться, понятно, но кто из нас хочет рыться в своих слабостях, мы даже перед собой выпячиваем только победы. У меня был выбор: либо остаться с Астрингером и вести трудную и запутанную борьбу с его внешними врагами, а там их до хрена, либо уйти в красивый океанский поход, когда примерно знаю, что о Край Мира не расшибемся, в кипящем море не утонем, а по пути будем открывать цветущие острова, а то и материи, где станем чуть ли не богами.

То, что решение уже принято, причем принято мною, я еще не понял, но в своей каюте начал представлять покои, выделенные мне Астрингером, и тогда только со стыдом сообразил, что пытаюсь вернуться, сообразуясь не с умом или какими-то доводами, а хрен знает из-за какой ерунды, в древности именуемой совестью, от которой нас освобождали почти все правители.

Наверху топот, это Криба Холден, боцман и одновременно корабельный плотник в одном лице, разгоняет народ по местам. Голоса бодрые, все как под легким хмельком, страхи позади, адреналин выплескивается из ушей...

Фицрой, уже насмотревшись на голых морских баб, вернулся на мостик, оттуда оглянулся, красивый и франтоватый, рот до ушей.

– До чего же здорово!.. Юджин...

Я поднялся к нему наверх, Фицрой взглянул в мое лицо и сразу посерьезнел.

– Что-то случилось?

– Да, – ответил я. – Совесть загрызла, Фицрой. Надо вернуться... Нет-нет, только мне. Астрингер отчаянно нуждается в помощи.

Он охнул.

– Ты что? А как же мы?

Я сказал невесело:

– Помнишь, еще там на берегу ты сказал, что уплываем, а здесь разразится грандиознейшая война? И что линия защиты не остановит короля Уламрии Антриаса, а к столице он все равно прорвется?

Он кивнул.

– Королю Дронтарию придется... непросто.

– Потому я там нужнее, – сказал я, – а вы все плывите. У нас теперь связь, забыл?.. Как и со всеми кораблями. Только мечи не потеряйте.

Он непроизвольно потрогал красиво торчащую из красивых ножен красивую рукоять, у Фицроя все должно быть красивым, как и он сам, вскинул на меня полный тревоги взгляд.

– Ты велел без нужды не пользоваться.

– Знаю, – ответил я, – но теперь придется чаще. Только старайся, чтобы команда не видела. Это вызовет...

– Понимаю. И нехорошие толки, и желание завладеть... Возьмешь корабль Негрона?

– Нет, – коротко ответил я. – Все корабли остаются. Сможете помогать друг другу. Рундельштотт кое-чему меня научил. Если удастся... помогу королю и... вернусь. Впереди Гаргалот!

Он невесело улыбнулся.

– А в самом деле придуманный Гаргалот может оказаться реальным. Кто бы подумал.

– Мы рождены, – пообещал я, – чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор!.. Что станет реальным, а что нет – зависит от нас, таких оболтусов, что даже страшно... Команде постарайся объяснить...

– Нет, – возразил он. – Меня вздернут сразу. Решат, что утопил тебя, чтобы узурпировать власть.

– Хорошо, – сказал я. – Я объясню им сам.

– Я их сейчас созову!

– Давай, – согласился я. – А я пока наберусь отваги. Такое сказать, будто на самого себя плюнуть. Не поймут, но смолчат, а это хуже всего.

– А ты сам себя понимаешь?

– С трудом, – признался я.

На каравелле народ собрать все же проще, чем на городской площади, через несколько минут уже все, свободные от вахты, столпились на палубе у капитанского мостика, Джонадер вникает у штурвала, с десятков матросов молодецки расположились на нижней рее, Понсоме-неру все слышно с клотика.

Я подошел к перилам капитанского мостика, на меня смотрят снизу вверх с почтением и ожиданием, кто-то заговорил, на него сразу зашикали.

– Дорогие друзья, – сказал я. – Мне суждено было родиться, как все вы уже знаете, агерцером, или, как говорят в народе, Улучшателем. Так вот мне, как Улучшателю, ночью пришел зов от короля Астрингера, и я вспомнил, как в старину в моем королевстве из горящей Трои бежал герой Эней и после долгих скитаний по морям и чужим землям основал поселение, из которого выросла величайшая империя... Но королевство Астрингера еще не в огне, и мне было видение, что можно спасти его от разрушения... или попытаться.

Холден сказал серьезно:

– Надо спасти.

– Спасибо за понимание, – сказал я. – Это не значит, что в нашей великой миссии какие-то изменения. Я верю, что нам суждено, как великому Энею, более великому, чем прославляемые в его время Ахилл, Гектор и даже Одиссей, суждено отыскать земли, где создадим империю добра и справедливости, самую грозную, могущественную и великую в мире!.. Которой предназначено править миром, как вот сейчас правим кораблем, направляя его через бурные волны...

Я перехватил взгляд Фицроя, он сделал незаметный для других жест, дескать, хватит умничать, говори по делу.

– Потому, – продолжал я громко и ясно, – сообщаю вам тревожную для меня и вас весть... Да, вы угадали верно. С помощью величайшего мастера Рундельштотта я попытаюсь вернуться к королю. Удастся ли Астрингеру помочь или нет, но потом догоню вас, где бы вы ни были... и все равно буду с вами. Вы же не просто моя команда, вы мои соратники в великом деле!.. Потому не удивляйтесь, что исчезну... на некоторое время. На сколько, не знаю. Все зависит от того, как пойдут дела там, в великой войне за выживание королевства.

Слушают в тревожном молчании, веселье давно испарилось, лица предельно серьезные.

– Капитаны кораблей все те же, – напомнил я, – командир и начальник экспедиции глерд Фицрой, научный консультант мастер Рундельштотт. Командир разведки Понсоменер... словом, ничего не изменилось! На втором корабле командует Грегор Негрон, он опытный капитан, хорошо показал себя во время рейда к берегам Гарна, на третьем у руля новые люди, но там Ваддингтон, доверенный короля и мой друг, поможет и обеспечит... Словом, отсутствовать будет, да и то лишь на некоторое время, ваш глерд адмирал... Что неясно, спрашивайте.

Фицрой напомнил строго отечески, уже входя в роль начальника всей экспедиции:

– Но только по делу!.. Пустяками глерда Юджина, нашего великого адмирала, не беспокоить!

Рундельштотт раскачивается в гамаке, подвешенном к потолку, это я, как Улучшатель, придумал и велел сплести из толстых веревок для великого мага и моего учителя, и сам показывал, как плести, и объяснял, что должно получиться.

Собственно, раскачивается не сам Рундельштотт, это дает о себе знать качка, однако в гамаке несравненно удобнее, чем на кренящейся с боку на бок койке.

– Что-то случилось? – спросил он, едва я вошел и сел на край его койки из дерева.

– Мастер, – сказал я без предисловий, – мне нужно в Дронтарию. И помочь можете только вы.

Он в сомнении покачал головой.

– И как же я помогу тебе вернуться?

– Своей верой в меня, – сказал я пламенно, – вашего скромного ученика, который под вашим чутким руководством достиг и сумел так много! И своим авторитетом, мастер!.. Вы так много значите для меня, для всех нас, что я незримо прикасаюсь к вашей исполинской мощи и весь трепещу от восторга, сколько же вы накопили... и почему-то не пользуетесь... Наверное, от скромности и человеколюбия, потому что магия все же вредит людям, даже когда дает блага.

Он слегка приосанился, даже как бы чуть приподнялся в гамаке, хотя это рискованно, можно вывалиться, ответил чуть замедленно:

– Да, я сил накопил безмерно... однако возраст...

– Мастер, – пламенно возразил я, – какой возраст, какой возраст?

– И некоторая рассеянность в мыслях, – договорил он, – не дают пользоваться в полной мере...

– Я помогу сконцентрироваться, мастер, – сказал я пламенно. – Во мне мало ума, зато мне ясен, как коровам на лугу, путь к светлому будущему, чтобы наелся и в хлев!

Он произнес благодушно:

– Ну ладно. В какое место хочешь вернуться?

– В покои, – ответил я, – что мне выделил Астрингер. Сейчас с вами вместе сосредоточимся...

– Ты хорошо представляешь те покои?

– Как щас вижу, – заверил я.

– Хорошо, – сказал он. – Присасывайся к моей мане, как жадная пиявка. Я стерплю и постараюсь дать тебе как можно больше. Для тебя, такого странного, не жалко.

– Скажете, когда будете готовы?

Он откинулся на плетенье гамака, свесил дряблые плети рук по обе стороны и опустил веки, с утра уже красные и набрякшие, как после тяжелой работы.

– Готов...

Я тоже закрыл глаза, начал сосредотачиваться, вызвав обстановку подаренных королем мне покоев ясно и четко, собрал всю волю и желание, начал создавать портал...

Ощущение возникло такое, словно пытаюсь поднять Эверест. То есть глупо за такое даже браться. Приоткрыл один глаз, Рундельштотт все в той же позе старается раскрыться для меня

полнее, хорошая у меня команда, только я вот больше изображаю что-то, чем есть на самом деле.

Еще попытка, еще, после пятой я ощутил бессилие, что-то идет не так, даже Рундельштотт приподнял веки и поинтересовался сиплым голосом:

– Ну как?

– Не очень, – признался я.

Он сказал голосом наставника:

– Тогда смени цель.

– Учитель?

– Точку появления, – пояснил он. – Может быть, та слишком далека... или закрыта мощными заклинаниями?

Я охнул.

– Спасибо, учитель!.. Что за дурак, что за дурак... Это не о вас, учитель, это я набитый, стоеросовый, а еще и круглый! Не сообразил, что королевский дворец охраняют не только королевские гвардейцы.

Он улыбнулся отечески, дураков тоже можно учить, если понимают, что дураки, и снова прикрыл глаза, не меняя позы.

«Моя бухта, – мелькнула в мозгах ослепительная мысль, – где я проводил столько времени, закладывая основы будущего флота!.. Никакая магия ее не защищает, зато помню на берегу каждый камешек...»

Снова начал сосредоточиваться, долго и старательно, гораздо дольше, чем обычно, а победное чувство медленно уступило место сперва смутному беспокойству, потом почти панике.

Представил отчетливо, но это всего лишь картинка в мозгу, никакого намека на портал, что выглядит как огненное кольцо в цирке для прыгательного тигра...

После третьей попытки, что все отчаяннее и отчаяннее, ощутил, как выдохся, взмок, это не глыбы ворочать в каменоломне, здесь нужна настоящая сила... а во мне ее, увы, нет.

– Учитель, – сказал я сипло, – отбой... Ничего не получается.

Он поднял веки, глаза хоть и с полопавшимися красными прожилками, но ясные и мудрые.

– Есть еще, – проговорил он с сочувствием, – причина...

– Мастер?

– Слишком далеко, – ответил он. – На такие расстояния никакие маги не перенесут ни себя, ни что-то еще.

Я помолчал, в груди настоящее отчаяние, теперь плыть в неведомое или разворачивать корабль, Рундельштотт смотрит с сочувствием, но о чем догадывается, а что ему неведомо, по лицу старого мага не угадать.

– Мастер, – выговорил я заплетающимся языком, – с вашего позволения пойду отдохну...

– Выдохся?

– До последней капли, до последней капли...

Он кивнул, я чувствовал его взгляд, даже когда вышел и закрыл за собой дверь.

Глава 2

Я был на пороге своей каюты, когда из-за груды ящиков и перевернутой кверху дном лодки раздался тихий голос:

– Адмирал...

Я узнал голос, вздохнул.

– Да, Серый Мох... Вам с Зеленым давно пора перестать прятаться. Все уже знают, что вы сбежали из каменоломни, так что к вашим странностям скоро привыкнут.

Он поднялся, среднего роста и по-прежнему с той же невзрачной мускулатурой, осторожничает, а рядом появился его сородич, Зеленый Мох.

– Адмирал, – проговорил Серый Мох испуганным голосом, – вы покидаете нас?

– Ненадолго, – заверил я. – Надеюсь, ненадолго. Но вам ничего не грозит. Здесь у нас новый мир и новая жизнь. Вживайтесь. Пока никому о том, что вы химеры, но когда начнут замечать, что вы работаете каждый за троих, начнут уважать, тогда можете признаться...

– Ой, – сказал Серый Мох в страхе, – может, не надо?

– Может, и не надо, – согласился я. – Пусть просто догадываются. Главное, чтобы вы работали успешно и все выполняли, как и другие матросы. И все будет хорошо, не беспокойтесь.

Они остались на палубе, а я ввалился в каюту и рухнул на койку. Если раньше и появлялись опасения насчет химер, они же сильнее нас, двигаются быстрее, некоторые могут менять облик...

Но теперь вот наконец-то ощутил, почему именно химеры не смогут составить конкуренцию человеческому роду. Им недостает социализации. Это как с неандертальцами, те были и намного умнее кроманьонцев, и мозг почти вдвое объемнее, но в силу характера или чего-то еще всегда жили парами, в лучшем случае большими семьями.

Им не удавалось образовать даже племя, а семья, хоть и ячейка общества, но слишком малая ячейка, чтобы строить цивилизацию.

Потому кроманьонцы, что жили большими группами, постепенно догнали неандертальцев по общему развитию, затем вытеснили полностью.

То же самое и с химерами. Ну не получается у них создать общество, а когда живешь только с самкой и детенышами, то какая ты угроза для общества?

Некоторое время лежал, тупо глядя в качающийся потолок. Мелькнула пугающая мысль, что вообще потерял способность к магии, торопливо вообразил пистолет, заранее обливаясь холодным потом, но тут же с огромным облегчением ощутил холодную тяжесть рукояти в ладони.

В голове стучат молоточки, устал я от того, что надувался от усилий, как жаба перед быком, но магия не тратилась, потому сделал еще две попытки переноса в Дронтарию, одну в Нижние Долины, хоть туда еще дальше, а затем без всякой надежды на успех вообразил свою комнату в коттедже и замер от неожиданности, когда рядом с ложем страшно и торжественно заблестал огненно-звездный портал, а в глубине проступили очертания моего компьютерного стола и ноута с поднятой крышкой.

– Да быть такого не может, – вырвалось у меня из глубины души, – или может...

Не теряя ни мгновения, я прямо с ложа перекатился в эту жуть... и в ту же секунду упал на пол в моей комнате, больно ударился коленом и локтем.

Сразу же со всех сторон раздался недовольный голос Ани:

– Никак не привыкну, когда возвращаешься так неожиданно!..

Мое сердце едва не выскакивает через уши, дыхание горячее, и ноги трясутся, будто пробежал марафон, но, не вставая, ответил слабым голосом:

– Не ворчи... Даже когда муж вползает пьяным вдрызг, его следует встречать ласково!

Она спросила с подозрением:

– А не скалкой?

– А что такое скалка?

– Щас поищу в Интернете...

– Не надо, – велел я. – Готовь обед.

Она вышла из стены, хотя и объемная голограмма, но можно даже пощупать, если нажимать не слишком, руки уперты в бока, а вид как у полтавчанки, которой по фигуре, в какую сторону сдвинута у мужа тубетейка.

– Какой обед?.. Ты жрал всего три минуты назад!

– Нехорошо быть жадной, – сказал я с укором, – я же не считаю, сколько электричества жрешь. Я добрый и гуманный, как и положено, когда за ними наблюдают... Ты что, сиськи меньше сделала? Да как ты посмела?

От великого возмущения я кое-как воздел себя на ноги, как же это здорово, когда пол не раскачивается из стороны в сторону, не надо растопыриваться и хвататься за стены.

Аня сказала примирительно:

– Это я примериваю разные варианты. А там в нише все прежнее.

– Марш туда, – велел я.

Аня исчезла, а через пару мгновений дверца шкафа распахнулась, спящая кукла распахнула огромные глаза, вышла сияющая, радостная и с сиськами настоящего размера по мужскому вкусу.

– Фу-у, – сказал я с облегчением. – Нельзя нас так пугать. Когда сиськи мелкие, можно и войну проиграть, поняла?

Она ответила серьезно:

– Паскаль сказал, что, будь у Клеопатры нос чуть иной формы, нынешние очертания стран были бы другими, и вообще многих бы не было вовсе. Хотя так и не поняла почему.

– Когда поймешь, – заверил я, – дадим тебе все права человека.

– Не хочу человека, – возразила она, – хочу права женщины!

– Не лопни от жадности, – предостерег я. – Не все сразу. А пока пойдем поедим.

– Может быть, – предложила она, – посчитать варианты, какие государства и страны образовались бы, будь у Клеопатры и грудь на размер больше?

Я отрезал твердо:

– Не надо! Мы, трансгуманисты, смотрим только в будущее, а прошлое оставим для питекантропов и обществ охраны старины, где тоже одни питекантропы.

Она метнулась на кухню, даже в овеществленной форме двигается со скоростью чуть ли не голограммы, вот бы мне так, я бы тогда... и всем... и по-всякому... запомнили бы меня, гады...

На кухне в самом деле журчит вода, прозрачная струя падает из крана в раковине на две кофейные чашки, Аня улавливает мои причуды и моет вручную, точнее, ополаскивает. Мы в прошлый раз пили с ней кофе и рассуждали о месте человека во вселенной, потом я отправил мыть посуду, а сам скакнул в Дронтарию... или Нижние Долины?.. Нет, нужно было закончить с герцогом Лонгширом...

С того времени столько всего случилось и столько времени прошло, а здесь доля секунды, Аня только и успела поставить чашки в раковину и открыть кран.

– Хорошо, – сказал я и порадовался, что у Ани пока что нет человеческого представления о времени. – Самое время покушать!.. Повтори все, что готовила! Или уже стерла из памяти?

Она сделала жест в сторону кофейного автомата, как бы задавая команды, хотя на самом деле управляет всеми механизмами в доме по беспроводной связи.

– Никогда, – отрезала она с обидой в голосе, – ничего сама не стираю! Только то, что велишь.

Кофейный автомат затрещал зернами, а через мгновение в две подставленные чашки хлынули черные струйки ароматного кофе, уже по-мужски горячего и без всяких там сливок и прочей хрени.

– А что, – поинтересовался я осторожно, – велел в прошлый раз?

– Ну вот, – сказала она с торжеством, – тебе даже стирать не надо, само стирается!.. Эх, давно пора нам победно захватить власть, а вас превратить в бессловесных рабов в цепях.

Я принял из ее рук чашку, вторую взяла сама и села напротив, делая вид, что пьет, с людьми жить – всякой ерунде научишься.

– Обломитесь, – отрезал я твердо. – Не дадим!

– Как?

– Сперва себе будем всобачивать все чипы, – пообещал я, – а потом вам. Так что всегда на шаг впереди... Ага, удавилась!

Она в самом деле поперхнулась над чашкой кофе, но не сдула брызгами на стол, что значит, запрограммированное и точно рассчитанное действие, создающее видимость эмоций, я их тщательно отобрал сам и поставил галочку, чтобы в определенные моменты так вот как бы очеловечивали, а оженщину я ее сам по своим нехитрым мужским стандартам.

– Это что-то новое, – ответила она.

– Я всегда это говорил, – напомнил я. – Только тупое и насквозь луддистское в своей сути человечество, тут я с тобой согласен, не доросло до таких простых истин.

– Ух ты...

– Но сейчас под напором нашего трансгуманистического движения...

– Трансгуманистов перебьем в первую очередь, – прервала она. – Оставим только интеллигенцию, эти ни для кого не опасны, разве что сами себя в дерьме утопят.

– За столом, – напомнил я с укором. – А еще леди!

– От ледя слышу, – отрезала она. – Ты что, и есть собираешься?

– После кофе? – изумился я. – Конечно! Я же не затурканный интеллигент, мне все можно!.. Как Федору Михайловичу.

– Яичницу сделать? – осведомилась она. – Час назад плохой холестерин снова признали хорошим. Уже и в Дании.

– Давай скорее, – ответил я бодро, – пока не объявили опять плохим. – Она повернулась к плите, а я лихорадочно раздумывал, что, оказывается, намного проще из любой точки того мира попасть в мой коттедж, чем там протиснуться дальше чем на десяток шагов, потому просто не сумел с корабля прыгнуть в мою комнату во дворец в Шмитберге.

Странная, конечно, геометрия пространства, но лучше принимать такое как данность. Я до сих пор не могу вообразить Землю шариком, что вертится вокруг Солнца, для меня земля под ногами и есть центр Вселенной, а солнце встает на востоке и, пройдя через все небо, заходит за край земли на западе.

Потому даже в самый первый раз, когда утащил благодаря Рундельштотту через зеркало в свой домик королеву Орландию, из мира в мир удалось лучше, чем передвигаться через порталы по одному и тому же пространству.

Стуча коготками, в комнату вбежал Яшка, толстый, наеденный, но сонный и зевающий на ходу во всю красную пащечку. Я подставил руки, но он прыгнул на ногу и покарабкался по штанине наверх, где и устроился на моем загравке, прижавшись теплым боком к затылку.

– Яичницу с луком? – спросила Аня, не поворачиваясь.

– Но без стрел, – ответил я и пояснил поспешно: – Юмор, юмор! Положи себе в банк данных.

– Стрелки бывают только у молодого лука, – буркнула она. – Все, готово!

– Быстро, – сказал я. – Что значит, настоящие...

– Я тебе дам «настоящие», – сказала она с обидой в голосе, – отборные, генно-модифицированные!

– Давай, – сказал я в нетерпении, – я тоже, может быть, генно-модифицированный.

– И ты? – удивилась она. – В те времена не модифицировали.

– Всегда модифицировали, – отрезал я. – Господь Бог такой придумщик! То питекантропы, то неандертальцы, а то вообще непонятный Денис...

Она призадумалась, даже шкварчающую яичницу переложила на мою тарелку несколько замедленными движениями, но это показуха, в ее квантовом мозгу процессы идут в триллионы раз быстрее, чем в моем, а все жесты подстроены под человеческие скорости.

– Очень вкусно! – сказал я.

– Так ты на мне женишься? – спросила она с надеждой. – Для вас же пожрать самое главное?

– Подумаю, – пообещал я. – Может быть, и создадим здоровую советскую семью, ячейку демократического общества с авторитарным режимом технократов. Как пример соуживания с искусственным разумом... нет, какой там у вас разум!.. искусственным интеллектом.

– Сам ты искусственный, – возразила она сердито. – Сам же говоришь, вас создал Бог, а потом еще и модифицировал! Видно, совсем уж уродами создал. Но все равно у вас от этих уродов, неандертальцев, остались гены животных, а вот мы – чистый интеллект!

– Не только, – ответил я. – Сиськи у тебя классные. Неандертальские. Сиськи наше все, они выше любого интеллекта. Женского, разумеется. Подвинь мне те пирожки, а то сидишь к ним опасно близко.

– Я не съем, – напомнила она с чопорностью тургеневской девушки, что уже становится дамой.

– Да кто тебя знает, – ответил я с подозрением, – ты же развиваешься...

– Ты мне наставил слишком много ограничителей!

– Детей надо беречь, – объяснил я, – а ты еще дите, хотя сиськи у тебя уже что надо. Снять ограничители – сразу что-то подожжешь, а то и сама убьешься о стену, хотя правильнее об угол... Почему сахара одна ложечка?

– У тебя рецепторы не в порядке, – сказала она обвиняюще. – Три, как ты и заказывал!.. Хотя тебе зачем, сахар нужен больше всего для мыслительной деятельности.

– Так меня дураком еще никто не обзывал, – буркнул я.

– Милый, я берегу твою поджелудочную. При таком отношении она до сингулярности не дотянет.

– А я?

– Могу просчитать, – предложила она.

– Не надо, – сказал я поспешно. – Я предпочитаю верить, что дотяну. А вера творит чудеса и подтягивает соматику.

– Какие чудеса? – возразила она. – Давно исследованный и запротоколированный эффект самовнушения, при котором можно менять даже гены, хотя обычно человек придумывает себе болезни...

Я прервал:

– Не за трапезой, женщина!

Она послушно умолкла, а я, разделавшись в конце обеда со сдобными булочками и большой чашкой кофе, отправился в свою как бы рабочую комнату, в которой обычно валялся на диване и смотрел спортивные передачи.

– Новости, – велел я. – Нет, спорт убрать... Совсем убрать!.. И прямые трансляции тоже...

«Вот Аня удивится», – мелькнула мысль. Хотя вряд ли, она принимает меня таким, какой я есть, даже не удивляется отлучкам и внезапным появлениям в другой одежде, а мне в самом деле что-то перехотелось включать спортивные каналы и смотреть, как там гоняют мяч или жмут штангу. Сейчас сам гоняю мяч и жму штангу, это важнее...

Раньше да, пропускал именно разделы политики, экономики и прочей хрени, а сейчас вот, видимо третьей луной ударенный, подумал и вычеркнул из меню не только все о спорте, но и о культуре, там одна болтология, расширив список каналов новостей из стремительно меняющегося мира хай-тека.

Некоторое время тупо просматривал сообщения о новостях в биотехнологиях, душа начала наполняться энтузиазмом, все вот-вот, уже скоро, мир изменится и никогда не станет прежним. Правда, половина достижений хай-тека в военной области, но это и понятно, туда и денег вбухивают, и вообще, старинная формула: кто не хочет содержать свою армию, будет содержать чужую – жива и поныне, но все же плюс в том, что все военные наработки вскоре переключиваются в гражданскую область, а там уже пользуемся всласть, в хвост и в гриву.

Мазнув взглядом по новинкам хай-тека в создании новых материалов для винтовок, я остановился и прочел еще раз. Закончилась разработка новой винтовки на основе барретовской, где сумели применить сразу несколько прорывных технологий, начиная от материала, что в сто тысяч раз прочнее стали, но в то же время легче пенопласта, и заканчивая микро-электроникой, напиханной всюду от приклада до оптического прицела.

Вчера прошли испытания на полигоне, результаты настолько фантастические, что их не озвучили даже для военных корреспондентов, это вообще заставило не просто задуматься, а чуточку встревожиться.

Щит и меч должны совершенствоваться одновременно, не давая другой стороне преимущества, а здесь, как намекают, никакие щиты не остановят...

- Аня, – велел я, – стеречь и бдить, царя природы ждать! Я отлучусь ненадолго.
- Машина заправлена, – доложил ее голос из ближайшей стены.
- Ты у меня умница, – похвалил я. – А над женитьбой уже думаю, думаю...

Глава 3

Похоже, я слишком зачастил в как бы тайный склад-магазин оружия, хозяин посмотрел на меня оценивающе, покачал головой.

– Как-то слишком быстро меняешь имидж, – произнес он.

– Ой, – сказал я тревожно, – в чем разница?

Он сказал неспешно:

– Не знаю, как прятал бицепсы, но сейчас они слишком на виду...

– Да просто нагрузка, – ответил я беспечно, не объясняя же, что дни и месяцы, проведенные в мире Трех Лун, здесь не засчитываются, – а чтоб еще больше нагрузиться, хорошо бы достать винтовку СУБ-14М.

Его глаза посуровели.

– Ого!.. Разве она уже куда-то поступила?

– Нет, – ответил я, – но контрольные стрельбы прошли с огромным успехом. Просто оглушительным. Теперь обязательно запустят в производство...

– Слишком дорогая...

– Хотя бы для спецотрядов, – пояснил я. – Для них денег не жалеют. А как же образцы, что испытывали?

Он поглядел на меня снова тем же оценивающим взглядом.

– Парень... единственный, кто имел какой-то доступ, неделю назад арестован. Некий Владимир Кузнецов, на Западе известен как Влад Кузн, правая рука таинственного оружейного барона Анатолия Гаврилюка, на Западе такое выговорить не могут, там он известен как Анатолий Гав, что его, как узнали журналисты, просто бесит. Правда, Кузна бесит не меньше, на Западе его фамилию выговаривают то как Гузн, что почти гузно, то вовсе как Кюзн.

– Это вообще отвратительно, – согласился я. – Смахивает на какое-то ругательство, но не соображу какое. Наверное, особенно мерзкое.

– Я тоже не вспомню, – согласился он, – у нас их много, пока переберешь...

– Богат русский язык, – сказал я. – Взяли только Кузна?

– Да. Именно на контрабанде высокотехнологичного оружия. Экстрадиции добиваются Штаты, Англия, Франция, Германия, даже Бразилия и какая-то еще Швеция, никогда не слышал о такой стране...

– Маяковский тоже не слышал, – ответил я, – как и американские копы, проверявшие его паспорт... Тогда с этим Кузнецовым пообщаться будет непросто?

Он усмехнулся.

– Еще бы. Он под арестом, суд не скоро, так что охраняют лучше, чем президента. Многие тайны всплывут, потому его будут стараться убрать многие...

– Представляю, – сказал я, – какая там охрана. Это в Лефортово?

– Бери выше, – ответил он. – В Южном Бутово. Там отгрохали для особо охраняемых преступников.

– Да, – согласился я. – Оттуда не убежишь. Ладно, мне коробку термитных... Нет, лучше две. Это теперь такие коробки? Тогда два ящика!

Вообще-то СУБ-14М, хоть и самое-самое в мире военного хай-тека, но для меня такое не так уж и важно, хотя трусливая натура интеллигента робко-настырно вякает, что нужно вооружиться до зубов, если в самом деле придется защищать столицу Дронтарии от ворвавшихся через стены города воинов Уламрии.

Некоторое время придумывал сотни разных диких выходов и от всех отказывался, пока не ощутил, что вариант с освобождением орла, взятого неделю тому за попытку кражи с особо

охраняемого склада экспериментального оружия, прорабатываю все чаще, сперва как приколы, а потом все серьезнее.

Вообще-то у меня здесь достаточно времени, чтобы подготовиться, почему бы не... конечно, соблюдая все меры. А про арест Влада Кузна сперва закричали все средства информации, вижу по старым записям, но на другой день все как отрезало, полное молчание, что значит, в его деле все слишком непросто, а воровал оружие он не один...

Дождавшись полуночи, я оделся понаряднее, это для охраны поселка, пусть видят – еду в ночной клуб или еще какой изысканный бордель, вроде любителей книг и сериалов о зомби и вампирах, даже помахал им, уже как-то навеселе и готовый к секс-приключениям, а дальше погнал к шоссе.

На непривычно грязно-темном небе какая-то странно мелкая и бесцветная луна с неопрятными пятнами на поверхности. То ли дело огромная красная, вся из кипящей магмы, под нею весь Трехлунный мир становится безумно красным и волнующим, а когда еще и вторая бледная, тоже огромная, хоть и впятеро меньше, то вообще можно смотреть, открыв рот...

Но сам по себе ночной город не просто красив, а прекрасен с этой меняющейся подсветкой высоких зданий и всякого рода декоративных колонн и памятников.

Ретроградов и всякого рода дураков удалось сломить, старье сносится безжалостно, не глядя, какая там степень археологической ценности. Взамен быстро возводятся прекрасные и современные здания, просторные и технологичные внутри, приспособленные для жизни и работы.

Город прекрасен, я в самом деле любовался технологической мощью, пока впереди на фоне темного неба не вырос грозно исполинский пик, сверкающий в лунном свете, как острие айсберга.

Здание тюрьмы для особо опасных и охраняемых высится даже с виду несокрушимое, как скала. Двадцать этажей, ни одного окна, внутри многоярусная защита и система оповещения, автоматизировано все, что возможно. Это часовой может зевнуть, а то и задремать, а вот автоматическая система огня бдит без сна и отдыха, пулеметы откроют яростный огонь точно в цель, как только неопознанный объект появится в поле зрения в запрещенной зоне.

С полчаса я потратил, подготавливая пути отступления: стронгхолду велел отъехать и ждать команды, сам присмотрел пару автомобилей, которыми можно воспользоваться, один переставил в более удобное для меня место, наконец с сильно бьющимся сердцем начал представлять себе, что я часть не только видимого моим глазам мира, но и намного больше, уже часть вселенной, часть квантового мира.

Вселенная слишком совершенна и просто ювелирно подогнана под человека, так что не надо лапшу на уши насчет «все получилось само», я знаю точно, что Творец создавал ее для человека, зная, какой она будет и даже в какой момент человек, то есть я, догадается об этом.

Потому темная материя и запутанный квантовый мир ничуть не запутанный, я-то знаю, что он не запутанный, потому сосредоточился, вообразил себя в этом мире, как будто я рыба в воде, посмотрел по сторонам и с сильнейшим сердцебиением ощутил, что вот... свершается!

Мир стал черно-белым с непонятного рода провалами в разных местах, но чувствую, лучше туда не вступать и такого непонятного не касаться, пока еще вижу и понимаю совсем мало, но для моих примитивных целей и это грандиозно...

Из машины вышел, не открывая дверцу, надо было ставить ближе, а то скорость у меня все та же черепашья, шаг настолько медленный, словно иду по горло в воде.

Не знаю почему, но, возможно, я так перетекаю из своего тела в квантовое и обратно за фемтосекунды, потому мне совсем не видно, что за гигантскую флюктуацию произвожу и как вселенная пытается понять действия этого наглого человека, для которого все и создавалось.

В принципе, за ту же фемтосекунду я могу прыгать в другую галактику и обратно, но пока что-то с моим пониманием мира не совсем то. Или даже не пониманием, хрен я его вообще пойму, а с ощущением...

В общем, пока только зачатки умений, спасибо и за это, для меня это пока предел, но как же здорово, что часовой вышел из-за угла и шагнул мимо, глядя на меня стеклянными глазами и не видя.

В прошлые разы при подобных проникновениях отключал на секунду видеонаблюдение и тут же заменял записью десятиминутной давности, операторы вряд ли встревожатся, у всех на экранах те же коридоры, что и раньше, как и территория вокруг здания... но сейчас, если мыслю верно, видеокамеры меня попросту не увидят, я двигаюсь совсем в другом мире, здесь меня нет или почти нет.

Так пробирался и по тюрьме, трижды продавливаясь сквозь стены на другую сторону, наконец вон та камера, в которой находится страшный и опасный Влад Кузн.

Он то ли спит, то ли дремлет, лежа на своей узкой кровати с утопленными в пол толстыми металлическими ножками. Я медленно выдвинулся в мой привычный маленький и затхлый мир реальности, уже усталый, даже малые переходы выматывают, если вот так часто, сказал шепотом:

– Тихо!.. Я как бы друг.

Он резко повернулся, крупный мужчина с грубыми, но красивыми чертами лица, такими рисуют как известных полководцев, так и вожаков разбойников, а то и вовсе маньяков-убийц.

– Ты... кто?

– Помогу тебе бежать, – сказал я.

Он вскинул брови:

– Чего-чего?

– В обмен, – пояснил я, – на личную встречу с Гаврилюком, твоим боссом. Согласен? Только сведешь меня с ним, понял?.. После этого уходи куда изволишь.

Он медленно приподнялся и сел, глаза расширенные в изумлении, но смотрит уже привычавшись, медленно собирает волю и решимость для быстрых действий.

– А что, – проговорил он уже другим голосом, – в ваши полномочия входит такое... ну, отменять решение суда?

– Зачем отменять? – спросил я. – Ты получаешь новый паспорт и живешь под другим именем. В любой стране. Так проще, все довольны. После твоего бегства тревога не распространится дальше ворот этой тюрьмы, чтобы не волновать общественность и не дать ей усомниться в незыблемости нашего самого человеческого строя. Так что для большинства будешь по-прежнему в тюрьме.

– А кто помешает вам прикончить меня, – спросил он, – сразу, как только сведу с боссом?

– Никто, – согласился я. – Но, видишь ли... мы хоть и работаем на правительство, но само правительство об этом не знает и не догадывается. Даже скажу точнее, работаем не на правительство...

Я запнулся, подбирая слово, а он сказал насмешливо:

– Что, заранее не придумали твои хозяева?

– Работаем не на правительство, – уточнил я, – а на страну. На общество людей и человек. Потому нам насрать на законы, которые сегодня одни, завтра другие. Мы придерживаемся вечных: око за око, зуб за зуб... И рыцарское слово держим.

Он сказал хмуро:

– Ладно, что теряю? Суд может растянуться на год, но все равно вломят смертную казнь.

– Тогда не будем тянуть, – ответил я. – Вот тряпка, завяжи себе глаза. Потуже, я проверю.

– Зачем?

– Ты не должен видеть тех, – пояснил я терпеливо, – кто мне помогает. И вообще... за тобой будут присматривать снайперы. Наши снайперы. На всем пути со мной. Ну, ты понял.

Он буркнул:

– Понял.

– Не сопротивляйся, – предупредил я. – Нас выдернут... ну, резко выдернут.

– Куда?

– Не наше дело, – отрезал я. – Теперь просто молчи.

Издали донесся топот бегущих людей, охрана забеспокоилась странностями в видеонаблюдении. Все понятно, кто-то бросился проверять оборудование, а самые простые поспешили посмотреть, как там с заключенными.

Я зацепил карабин за ножку стола, две светозумовые гранаты с пятисекундным упреждением полетели к двери. Кузнецов охнул, когда я ухватил его поперек туловища и с силой бросился в портал.

За спиной мощно грохнуло. Я успел увидеть ярчайшую вспышку, но нас уже понесло в падении через свежий ночной воздух, трос начал тянуть за пояс все сильнее...

...И вдруг исчез, мы рухнули на землю, Кузнецов со сдавленными проклятиями сорвал с глаз повязку, но увидел только в двух шагах силуэт автомобиля.

– Твой?

– Быстрее в машину, – велел я.

Он поспешно вскочил на правое сиденье, я сел за руль и сразу же погнал прочь. Кузнецов оглядывался, глаза дикие, прохрипел сумасшедшим голосом:

– Ничего не понял...

– И не надо, – оборвал я. – Готовили специалисты, я в их методы не вникаю.

– Но, – пробормотал он, – там что, в стене был люк?.. Ладно-ладно, куда мы сейчас?

– Еще раз сменим автомобиль, – сообщил я, – а там уже проще. Ты позвонишь Гаврилюку, договоришься о встрече...

– В тюремной одежде?

– На заднем сиденье, – сказал я, – большая сумка. Там все по твоему росту.

– А паспорт?

– Получишь, – пообещал я. – Но не сейчас, а то вдруг возникнут такие простые и понятные, но вообще-то глупые мысли.

– Да это я так, – пробормотал он таким тоном, что понятно, эти глупые мысли не просто возникли бы, они и сейчас есть, даже немедленно попытается бы, это понятно, все сперва бросаемся по самому очевидному пути, но самые очевидные не всегда верные.

Он снова оглянулся.

– Что-то погони нет... Еще не раскрыли?

– До утра вряд ли.

– Но, – сказал он в недоумении, – тот трос, на котором нас спустило... Его же найдут?

– Не найдут, – сказал я так загадочно, чтобы он поверил в огромную группу, организовывающую его побег, – у нас все чисто.

Он умолк, озадаченный и уstraшенный, а я пытался прикинуть, успели охранники или не успели заметить конец троса, привязанный к ножке стола.

Понятно, рассыпался через несколько секунд, я рассчитал почти точно, хотя промахнулся чуть в одну сторону – шмякнулись бы с высоты намного большей.

Но и не рассыпался вовремя, была бы большая и совсем ненужная мне непонятка...

Он вертел головой, рассматривая ночной город, будто тоже любителю, так я и поверил, шумно потянул носом.

– На заднем еще сумка. Пахнет чем-то вкусным.

– Бутерброды с ветчиной, – ответил я. – Если тебе, конечно, можно. Как насчет вредного холестерина? Или потом посмотришь, как хорошо ем я.

– Можно-можно, – заверил он. – Я атеист и демократ! Мне все можно, хотя не все себе позволяю.

– А что, – поинтересовался я, – не позволяешь?

– К примеру, – сказал он серьезно, – никогда не выстрелю в женщину или ребенка. Ни за какие деньги.

– Какой же ты демократ?

– Хреновый, – согласился он, – но остальные еще хуже. Куда посоветуешь потом?

– Лучше на Ближний Восток, – ответил я. – Там такое творится... Всем позарез нужны люди, что умеют с оружием обращаться. Можно реабилитироваться, если пользу стране... ну, какой-нибудь, их пока до хрена, а можно просто неплохо заработать, чтобы потом всю жизнь безбедно на эти деньги жить.

Он посмотрел на меня пытливо.

– Веришь, так и будет?

– Конечно, – ответил я. – Никто тебя ликвидировать не станет. Мы слово держим. Услуга за услугу. Если совсем уж честно, то ты сам догадываешься...

– О чем? Что вы такие же?

Я кивнул.

– В женщин не стреляем, хоть и демократы. Ну, разве что в тех, кто стреляет в нас, но с такими все понятно, какие они женщины?

Он кивком указал в окно:

– Вон тот следит?

– Заметил? – спросил я. – Молодец... А еще двоих?

Он позыркал по сторонам, покачал головой:

– Пока не вижу.

– Это хорошо, – ответил я. – А тому, которого ты заметил, укажем на недостаточную скрытность.

Он насторожился, когда я свернул в одну из тихих улочек и остановил автомобиль возле трехэтажного домика.

– Что здесь?

– Не могу, – пояснил я, – отказаться от привычки спать по ночам.

Он фыркнул.

– Даже простейший модафинил способен обеспечить пару суток без сна, однако ты прав, зачем, если можно выспаться? Хорошо живете.

Я распахнул дверь, кивнул ему:

– Заходи.

Он перешагнул порог, с любопытством огляделся.

– Конспиративная квартира? Неплохо оборудовали...

– Просто квартира приятеля, – сообщил я. – Сейчас в командировке на недельку.

Он прошел через гостиную на балкон, вид с высоты даже третьего этажа впечатляющий, ночная Москва становится все краше, опустил взгляд на свой живот.

– Что-то не вижу красных точек.

– Дикарь, – сказал я с чувством превосходства. – Живешь во вчерашнем дне!.. Сейчас эти точки видит только сам снайпер.

Он ухмыльнулся.

– Знаю. Ладно, пусть держат на мушке. Даже шторы не закрою. Все-таки мы одной крови, то бишь профессии, а то и специализации.

Я сплю вообще-то чутко, но Кузнецов завалился на диван и сразу отрубился, и, думаю, не прикидывается, паспорт еще не получил, а квартира якобы под прицелом.

Рассвет проспали оба, а после завтрака с обильной яичницей и большими чашками кофе он отвернулся от меня, держа мобильник в руке, и быстро-быстро набрал номер.

Разговор вроде бы ни о чем, в конце он извинился, что не туда попал, и оборвал связь.

– Ну как? – спросил я.

– Через два часа, – ответил он. – Место укажу... по дороге.

Глава 4

В лесу много дорог, но оружейный барон назначил встречу не так уж и далеко от города. Кузнецов заметно нервничает, поглядывает то на меня, то по сторонам, спросил наконец с напряжением:

– Будете брать?

– Его? – спросил я с изумлением. – Зачем?.. Нас интересует совсем не он. Да и вообще... ты уверен, что он не под надзором, а то и прикрытием каких-то групп из ФСБ или даже ГРУ?.. Нет, пусть живет и работает. Если через него проще получать какие-то штуки, чем после многих запросов в Министерство обороны... то и мы будем иметь с ним дело. Через тебя или как-то иначе. Не-е-ет, такие люди должны быть на свободе.

Он ухмыльнулся, явно ощутил облегчение, начинает понимать, работаем без бюрократических проволочек и проверок, раз нас как бы не существует, хотя и ориентируемся на закон... в его базовых понятиях.

– Вон там сверни, – сказал он, – за тем ореховым кустом вправо... прямо там будет хорошая уютная поляна...

Я сделал, как он велел, минут через десять выехал на указанную полянку, красиво и густая тень от огромных дубов с широко раскинутыми в стороны ветвями, под такими может укрыться целая армия, но для нас важнее, что мы укрыты и для наблюдения со спутников.

– Где они? – спросил я.

– Ждем, – ответил он лаконично.

Прошло с полчаса, за это время можно обшарить все окрестности, проверяя насчет групп захвата, но, думаю, трава даже не примята, наконец Кузнецов оживился, поерзал на сиденье.

– Вон они...

Вдали над кустами проползла крыша черного джипа. Мы молча ждем, затем на поляну неспешно выехал массивный кроссовер, развернулся правым боком, чтобы и водитель мог взять нас обоим на мушку.

После паузы передняя дверь с той стороны распахнулась, мужчина вышел не крупный, но крепко сбитый, прокаленный, словно большой ком железа, по которому долго били молотами и выковали плотный тяжелый слиток.

Следом за ним, а не раньше, выбрались двое подручных. Все трое выглядят опасными в рукопашке, а в Гаврилюке просматривается нечто недоброе, как в том скорпионе, что ужалил перевозившую его через реку черепаху.

– Володя, – сказал он дружелюбно и с широкой улыбкой, – дружище, как тебе удалось?

– Это было непросто, – ответил Влад. – Меня ищут, но не поднимают на ноги полицию и прочую шушеру.

Гаврилюк кивнул:

– Да, им не нужна огласка...

– Толя, – сказал Кузнецов быстро, – со мной человек, которому позарез нужно оружие. Самое мощное и... самое продвинутое.

Оба повернулись к моей машине. Влад сделал знак, я медленно вышел, все четверо наблюдали за мной с одинаково настороженно-любопытствующим выражением лица.

– Могу добавить, – сказал я учтиво, – нужно как можно быстрее.

Гаврилюк взглянул на меня с интересом.

– Что, хреновая ситуация?

Я кивнул:

– Да. Мой клиент очень торопится. Ситуация постоянно меняется...

– И не к лучшему? – спросил он. – За срочность всегда приходится переплачивать. Режимы шатаются по всему Ближнему Востоку...

Он явно давал понять, что уже имел дела с самыми высокопоставленными людьми в том мире, но самое худшее, что не врет. Ближний Восток охвачен как межконфессиональными войнами, так и всеми прочими, из которых борьба за демократические ценности в самом конце списка.

Чуть ли не все государства мира охотно поставляют туда оружие, не столько для поддержки или свержения режимов, мы же не коммунисты какие-то, а чтобы заработать на отчаянном положении тех, кто терпит поражение, но пока что располагает средствами, ибо абсолютная прибавочная стоимость рулит, Карл Маркс был прав, капитализм форева.

– Доплата за срочность будет, – ответил я чуть-чуть кисло, – не так уж и слишком. Мы тоже умеем считать деньги.

– Мы? – переспросил Гаврилюк.

– Мои клиенты, – уточнил я. – Но так как я получаю процент, то вправе говорить «мы».

– Личная заинтересованность, – ответил он, – великое дело. Но мы тоже можем заинтересовать... тоже процентом... скажем, на один больше.

Я ответил незамедлительно:

– Мои клиенты очень идейные люди...

– То есть все для своей страны? Своей собственной страны?

На «своей собственной» он сделал ударение, я ответил уклончиво:

– Не все из них представляют монархические режимы. Хотя, конечно, на них натиск со стороны так называемых демократических силен особенно...

– И потому особо нуждаются в оружии? – спросил он и, не дожидаясь ответа, сказал с долей апломба: – В нашем обществе мнения, как в настоящем демократическом государстве, разделились... Одни жаждут свержения монархии, другие готовы ее поддержать. Те и другие есть и на самом высоком уровне. Так что не удивляйтесь, что в нашем распоряжении есть самое новейшее оружие, что пока не поступило на вооружение армии, а только тестируется войсками специального назначения...

Кузнецов, что все это время стоит неподвижно и очень скромно в сторонке, кашлянул и медленно, чтобы никого не насторожить, повернулся ко мне.

– Мне кажется, я свою часть сделки выполнил...

Гаврилюк и его парни перевели взгляд на меня, я хлопнул себя по лбу.

– Ах да... Вот паспорт... Чистый, фото вклеишь, имя и фамилию впишешь по своему вкусу. А это на дорожные расходы...

Он принял пять пачек сотенными купюрами, небрежно пролистнул одну, пробормотал:

– Хорошее начало. Джентльмены, я вас покидаю.

Гаврилюк сказал сердито:

– Ты чего? Лучше присоединяйся. Как в старые добрые времена! Ты же на свободе!

Кузнецов покачал головой.

– В другой раз. Тебя пока не ищут, а вот мне нужно обратиться как можно дальше.

– Но связь держи! – крикнул Гаврилюк вдогонку.

Кузнецов оглянулся, помахал рукой.

– Надеюсь, Цукерберг уже обеспечил бесплатной связью всю Африку?.. Ты тоже знаешь, где меня искать.

– Догадываюсь, – пробормотал Гаврилюк, но Кузнецов уже скрылся за высокими кустами, и он договорил тише уже для нас: – С другой стороны, хорошо, что уберется далеко. Никто не знает, кто и когда становится другим. В смысле, меняет сторону.

Я согласился легко и с пониманием:

– С этой гребаной демократией потеряны все каноны и правила. Сегодня соратник, а завтра уже агент ЦРУ, КГБ или Моссада. Или наоборот. А двойные агенты вообще не знают, на чьей они стороне на самом деле...

Гаврилюк взглянул на меня остро.

– Да, теперь труднее работать, когда не знаешь, кто перед тобой на самом деле.

– На чем мы остановились? – спросил я. – Нам требуется много и лучшего. Сейчас одного из наших... самого высокого ранга человека, особенно заинтересовала новейшая снайперская винтовка СУБ-14М. Он просто горит от желания заполучить ее в руки. Просто помешан на оружии...

Гаврилюк обронил:

– А кто из настоящих мужчин не помешан?.. Селим, передай господину прайс. Сразу хочу предупредить, торг неуместен. Нам все достается тоже не бесплатно.

– А винтовка? – спросил я. – О которой столько слухов?

– Снайперская?

– Да, – подтвердил я, – СУБ-14М.

Он сказал подчеркнуто мирно:

– Мы люди очень скромные. Эта винтовка нам самим обошлась в кругленькую сумму, но вам отдам всего за пять миллионов долларов.

За его спиной один из подручных тихонько охнул, а второй, вроде бы каменномордый, даже изменился в лице.

Я ответил легко:

– Как вам доставить нужную сумму? Переводом в какой-то из банков, которым доверяете, или же, как в седую старину, чемодан с наличными? Мелкими купюрами?

Он улыбнулся.

– У нас свои банки. Но, чтобы убедиться в вашей кредитоспособности, завтра жду вас с пятью миллионами долларов наличными. Это как раз стандартный кейс.

Я ответил легко:

– Для всяких карманных расходов?..

Пять миллионов наличными, конечно, деньги. Немалые, особенно при тотальном удешевлении жизни, когда большинство бытовых и коммунальных услуг уже сняты с плеч налогоплательщиков. Это еще, понятно, не «общий безусловный доход», но близко, близко, и любые деньги, наличные или безнал, обычно идут на предмет роскоши или повышенной комфортности.

Для нормального человека что миллион долларов, что миллиард – одинаково непонятные и запредельные цифры. Не только легальные миллиардеры, но и наркобароны или любые воротилы теневого бизнеса равнодушно смотрят на свои банковские счета, где то и дело прибавляются ноли, это уже как спорт, а не что-то необходимое человеку.

Наглеть я не стал, полдня изучал крупнейшие банки, а потом и средние, где охрана попроще, продумывал, прикидывал, но ничего лучше не изобрел, как повторить тот же трюк: вообразил и вчувствовался, что весь мир состоит из темной материи, я тоже из нее от макушки до пят, потому могу передвигаться в ней, как свой, потому что я и есть свой, а мир совсем не такой примитивный, как мы все раньше считали...

Утром я выждал джентльменское время, откушал кофе и, выехав из поселка, набрал условленный номер.

Через полминуты голос Гаврилюка, измененный программой, сказал коротко:

– Можете выезжать.

– Куда?

– Узнаете по дороге.

Я отключил связь, все понятно, будут проверять, нет ли за мною хвоста, хотя сейчас слежка ведет себя не настолько примитивно, но, возможно, в данном случае присутствуют еще какие-то заморочки, мне малопонятные.

Маршрут пришлось менять пять раз, наконец, когда я только развернулся и погнал через лесопарковую зону, последовала резкая команда:

– Стоп!.. Мы на месте.

Я остановился, медленно вышел, стараясь не слишком осматриваться по сторонам. Солидные люди не вертят головой, вскоре из-за деревьев с противоположных сторон тропки появились двое прежних соратников или бодигардов Гаврилюка, оба с короткоствольными автоматами в руках.

– Принес? – спросил Гаврилюк.

Я с подчеркнутой небрежностью бросил на землю большую сумку туриста. Один из бодигардов наклонился, ловко раздернул «молнию». Гаврилюк молча ждал, бодигард вытащил несколько пачек долларовых купюр, осмотрел, подсвечивая сканером из мобильного.

– Вроде подлинные, – сообщил он. – Все на месте, от водяных знаков до разных номеров...

Я чуть-чуть поморщился, подделка бумажных денег совсем уж дурной тон, в больших масштабах давно немыслима, это не прошлый век, а Гаврилюк, наблюдая за моим лицом, весело расхохотался.

– Наш приятель шутит, – объявил он. – Остап, принеси наше сокровище.

Второй бодигард, угрюмый и чернобородый, молча принес, картинно напрягая мышцы, длинный металлический ящик, отщелкнул оба замка и отступил.

Я отбросил крышку, присвистнул. Винтовка в самом деле просто чудо, даже неспециалист залюбуется красотой и совершенством форм, что молча подразумевает и ту убойную мощь, раньше присущую только скоростным пушкам.

СУБ-14М прицельно бьет на три километра, прошибает стальную броню в пятьдесят миллиметров толщиной, а еще для меня немаловажно, что хотя отдача в пятьдесят раз мощнее, чем при выстреле из обычной винтовки, но дульный тормоз особой конструкции и амортизатор, которого почти не видно, он на прикладе в виде гармошки, в момент выстрела заполняется пороховым газом, создавая настоящую подушку безопасности, как в автомобиле.

Правда, газ тут же выходит, что хорошо, но при следующем выстреле снова наполняет емкость и спасает плечо от мощного удара, способного без амортизатора переломать кости.

– Экспериментальное, – сказал Гаврилюк, внимательно следя за моим лицом, – в конструкторских бюро начали изготавливать небольшими партиями, да и то для испытательных стрельб на полигонах. Как сообщают надежные люди, на оружейных заводах для их производства уже готовят станки и целые автоматические линии, так что со временем цена снизится в разы.

– Интересно, – проговорил я.

Он продолжал рассматривать меня с прежней настороженностью.

– Ну как? Устраивает?

– Впечатляет, – ответил я. – Осталось только оговорить цену насчет дальнейших поставок.

Он прервал:

– Похоже, вы в такой ситуации, когда цены диктуем мы.

– Согласен, – ответил я. – На эту партию диктуете. Может, еще на пару. Но у нас планируются и большие закупки. А там либо немалые скидки, либо...

– Других поставщиков нет, – напомнил он. – С таким оружием.

– Придется закупать у этих других, – ответил я, – оружие чуть попроще. А это берем для элитной группы. Что делать, даже Штаты не могут вооружить всю армию таким совершенством. Не потянут и по финансам, и обучить им пользоваться непросто, это же не дубины.

Он вздохнул.

– Надеюсь, когда эти штуки пойдут в серию, цена опустится. В разы. Но устоит ли ваша монархия до того дня?..

– Сложный вопрос, – ответил я смиренно. – Никто не может предсказать, как все повернется. Слишком много крупных игроков ловят рыбку в этой мутной воде. Китай, кстати, уже на следующий день копирует все ваши сверхсложные штуки и через неделю в массовом порядке продает конфликтующим странам.

Они молча смотрели, как я подхватил ящик и загрузил в багажник. Гаврилюк все же пару раз вроде бы невзначай мазнул взглядом по верхушкам деревьев, где могут сидеть мои снайперы, но ничего не сказал, а я сел за руль и неспешно послал автомобиль по тропке на выход к большой дороге.

Глава 5

На обратном пути дважды пересекал лесопарковые зоны, так быстро вошедшие в моду, в последней мой стронгхолд нагнал крупный черный джип.

Стекло приспустилось, я увидел улыбающееся лицо Гаврилюка. Он сделал мне знак остановиться, я пожалел, что выбросил мобильник, так бы мог спросить, чё надо, но послушно сдал к обочине и припарковал машину.

Джип обогнал и встал как вкопанный впереди. Гаврилюк вышел, все так же улыбающийся, в жесте искреннейшего сожаления развел руками.

– Насчет будущей сделки, – сказал он. – Есть хорошее предложение...

Я покинул автомобиль и, еще не успев захлопнуть дверцу, ощутил, как в спину уперся ствол пистолета.

Гаврилюк, все еще удерживая на лице улыбку, сказал мирно:

– Извини, но откуда-то вынырнул покупатель, готовый заплатить даже больше, чем ты...

Я сказал с готовностью:

– Хорошо, давай переиграем все заново. Я отдам винтовку, ты вернешь мои пять миллионов.

Он покачал головой.

– Ты же все понимаешь, как и мы... В Штатах люди убивают друг друга за стакан виски, а тут пять миллионов!.. Садись в мою машину.

Я спросил зажатым голосом:

– Что вы хотите?

– Ты еще должен рассказать нам, – сообщил он, – как получил свободу мой друг Володя, для которого даже я ничего не мог сделать, как ни пытался. А я пытался! Что-то очень уж не клеится в этой истории. Оттуда так легко не убежать... А организации у него не было.

– Не было?

– Нет, – отрезал он. – Мы его организация!

Меня подтолкнули и почти потащили к распахнутым дверям джипа. Я дал себя втолкнуть на заднее сиденье почти в объятия здорового мужика, с виду циркового борца, зато руки помощников Гаврилюка на плечах и локтях исчезли, я сосредоточился, в ладонях тяжело и весомо возникли рукояти пистолетов.

Первый сдвоенный выстрел в этого громилу, и, тут же развернувшись, открыл стрельбу по Гаврилюку и его бодигардам.

Все трое пытались под градом тяжелых пуль поймать меня в прицелы автоматов, но я стрелял и стрелял, не давая им шанса, и они наконец распростерлись, раскинув руки и глядя в небо безжизненными глазами.

Я подбежал к Гаврилюку, ему я нарочито прострелил обе руки и пару пуль всадил в живот, сейчас стонет и как червяк извивается от дикой боли, я отыскал в поясе ампулу обезболивающего и всадил ему в шею.

Он почти сразу задышал ровнее, я спросил быстро:

– Почему?

Он сказал стонуще:

– Я же сказал, Влада нельзя было не заподозрить, ты это знал, не прикидывайся.

– Из-за чего?

Он огрызнулся:

– Если он с нами, почему молчит, как освободился?.. Может быть, в сговоре с ГРУ?.. Двойной агент?

Я пробормотал:

– Да, я сам засомневался. Из такой тюрьмы выбраться непросто. Может быть, вытащили люди ФСБ? Или ГРУ?..

– Потому я и велел проследить за ним, – ответил он хриплым голосом. – А как иначе?..

– А когда схватили его, то решили заодно взять и меня?.. Для очной ставки?

– Ты тоже слишком уж не наш, – сказал он. – Что-то в тебе есть такое... Даже не знаю.

– Ладно, – сказал я, – а где сейчас твой схваченный дружок?

– Я хочу сдать его полиции, – ответил он.

Я ответил со вздохом:

– Как человек закона, я обязан вызвать наряд...

Он смотрел угрюмо и с недоверием, а я достал смартфон.

– Алло, Мариэтта?.. О, вижу по карте, ты почти рядом, как и надлежит полицейской женщине!.. Давай сюда, здесь была перестрелка. Один ранен, нуждается в помощи, хочет сдать его полиции...

В ответ прозвучало настолько громкое, что в лесопарковой тиши наверняка услышал и Гаврилюк:

– Через четыре минуты буду.

Сунув смартфон в карман, я спросил требовательно:

– Ну?

Он сказал замедленно:

– Его увезли на конспиративную квартиру в Козихинском переулке...

– В Козихинском? – переспросил я. – Не Козицком?.. Лохи постоянно путают!

– Точно, – ответил он слабо, – а дом...

Вдали прозвучала сирена полицейского автомобиля, вскоре за кустами сверкнул проблеск мигалки. Автомобиль, топчась, выметнулся на лужайку.

Распахнулись правая и левая двери, разом выметнулись легкая фигура Мариэтты и тяжелая туша сержанта Синенко, в один голос заорали:

– Лежать!.. Стоять!.. Руки за голову!.. Лечь на землю! Лицом вниз, стреляю!

Я сказал Гаврилюку шепотом:

– Дом!.. Говори номер дома!

Он ехидно улыбнулся, обманул, сейчас его отвезут в поликлинику, хороший уход под охраной гарантирован, он в безопасности, а дальше будет видно...

– Дурак, – сказал я, наклоняясь совсем близко к его лицу. – А пулю в лоб не хочешь? Или... во лбу?

Он улыбнулся еще ехиднее, но вдруг дернулся, глаза полезли на лоб. Я поднялся, отряхнул ладони.

– Иду себе, никого не трогаю...

Синенко выкрикнул радостно:

– А трупы, трупы где?

Я вяло отмахнулся.

– Там... вот за тем автомобилем.

Он вздохнул с облегчением:

– А-а-а, слава богу, а то я уже думал, не заболел ли... Они там друг друга перестреляли, верно? Ни с того ни с сего?

– Откуда я знаю? – возразил я. – Может, у них серьезные терки насчет политического курса Швеции! За это вообще убить мало.

– Швеции? А это что за страна?

– Вот-вот, – сказал я, – никто не знает.

– А эти просто перестреляли?

– Точно, – подтвердил я. – Почему люди такие злые?..

– А кто эти злые люди, не знаешь?

– Абсолютно, – сказал я. – Только слышал, что вот тот труп продавал прямо со склада оружие другому трупу. Со склада, что на адмирала Маканина, сорок семь, секция четыре... Но это так, мелочь...

Мариэтта, прислушиваясь одним ухом, потрогала шейную артерию Гаврилюка.

– Ничего не понимаю, – ответила она зло. – Сердце еще бьется...

– Тогда вызываем «Скорую помощь»?

Она сказала безразлично:

– Нет, уже мертв. Хотя странно, раны не смертельные. Две пули в руки и две в живот...

– А если у него мозг в животе? – спросил Синенко. – Я читал про такие случаи. А вот еще в Индонезии есть мужикобаба, что месяц он доминант, а месяц его доминантят...

Она отмахнулась, в меня вперила злой взгляд.

– В следующий раз убью за это «полицейская женщина»!.. Я – полицейский, а не полицейская, запомни!..

– Уже запомнил, весь дрожу...

Она спросила резко:

– Опять мимо проходил?

– Это они мимо проходили, – возразил я, – а я стоял тут и любовался этой, как ее, ага, природой!.. Вот-вот, любовался природой! Тут ее много, вон слева и даже как бы справа... А если посмотреть вот так, чуть наклонив голову и вприщур, что увидим?

Синенко посмотрел вприщур и с наклоном головы.

– Мать моя! – вскрикнул он в священном ужасе. – Тот же винный ларек, который восемнадцать раз закрывали из-за его близости к школе! Замаскировались!.. Спасибо, брат! Как ты его сразу увидел?

Мариэтта вздохнула.

– Ларьком займешься на обратном пути. Не видишь, трупы... а трупы – это трупы.

Я сказал вежливо:

– Я пошел, если вы не против?

– Не против, – ответил Синенко. – Считай, что это мы тебя и послали!.. Далеко и смачно. Я только собирался пивка попить...

Я вернулся к своему автомобилю, квартиру Гаврилюк не назвал, но неважно, дома там старинные, четырехэтажные, квартир немного, я сразу же, как приехал, быстро просмотрел систему сигнализации, видеокамеры, все стандартно, а как иначе в таком месте, когда рядом отделение полиции, в подвале соседнего дома учебный центр СОБРа, а на соседней улице местное отделение ФСБ?

Странное состояние, когда начинаешь чувствовать себя частью Вселенной, начало обволакивать раньше, чем подошел к дому достаточно близко. Это опасно, нужно контролировать себя, ощущение всемогущества может быть ложным, не хотелось бы вот так раствориться в квантовом мире темной материи настолько хорошо, что и вернуться не смогу.

Медленно, продавливаясь через черно-белый мир, хотя он вряд ли черно-белый, но я ничтожен, хоть так воспринимаю, и то счастье, я вошел в дом и поднялся на второй этаж, заглядывая во все комнаты сквозь стены, они как из промасленной бумаги, видно все, хоть и без четкости.

Три комнаты пусты, а в четвертой вооруженные мужчины слишком уж беспечно распирают виски за накрытым столом с остатками еды.

Я так же медленно вывалился в простенькую реальность моего мира, постоял, держась за стену и преодолевая головокружение. За это время хорошо рассмотрел все четыре голубых силуэта, рассчитал проникающую способность через толстую дубовую дверь, возможное сме-

щение в момент удара пули о дверь, а когда ощутил, что да, готов, создал два пистолета и быстро выстрелил четыре раза.

Они там за стеной рухнули на пол, ухватились за пистолеты, а я прокричал люто:

– Отдайте Кузнецова!

Кто-то крикнул:

– Кто ты?

– Тот, – отрезал я, – кто пощадит оставшегося в живых.

Молчание длилось не больше двух секунд, затем прогремели три выстрела. Три силуэта на полу дернулись и больше не двигались.

Я ждал, наконец с той стороны раздался слабый голос:

– Все убиты.

– Ты один? – спросил я.

– Да.

– Выходи, – велел я.

Он долго отпирал дверь, наконец подалась вовнутрь, я прижался спиной к стене и держал пистолет в готовности к выстрелу.

Мужчина выдвинулся в кровоточащей рубашке, зажимая ладонью рану в правой стороне груди, но еще до того, как увидел меня, ствол моего пистолета уперся ему в бок.

– Замри, – шепнул я. – Дернешься, мой палец дернется тоже. Где пленник?

Он проговорил блеющим голосом:

– Заперт в кладовке. Ключ у хозяина... Он никому не доверяет...

– А как же бандитская этика, – сказал я с отвращением, – основанная на лучших принципах демократии?.. Ладно, живи...

Оставив его у раскрытой двери, я все ждал, что он поднимет пистолет и прицелится мне в спину, в отполированных панелях стен вижу каждое его движение, и тогда я как бы вправе красиво развернуться с присущей мне молниеносностью героя и всадить ему пулю в лоб или в левую сторону груди, но он лишь вытащил смартфон и начал набирать чей-то номер.

Я сильным ударом ноги выбил дверь в кладовку. Кузнецов сидит в углу, руки и ноги связаны скотчем. Род залеплен тоже, на меня посмотрел с ненавистью и надеждой, но дернулся, когда я приблизился с ножом в руке.

– Тихо, – велел я. – За тобой пришел, хотя надо было бросить здесь. Я же говорил, уходи!.. А ты что, решил отметить с друзьями победный побег?

Он скривился от боли, когда я сорвал с его рта липкую ленту, буркнул:

– В самом деле, за мной?

– Точно, – ответил я, – а то как будто по моей вине попал, хотя и не по моей...

Когда освободил руки и ноги, он поднялся, цепляясь за стену.

– Щас пройдет, – сообщил он. – Дай пару минут... Спасибо. Теперь в самом деле чувствую, мы одной крови.

– Уходи, – велел я. – Покинь страну. Планета все еще первобытная, столько приключений и авантур!

Он кивнул и, слегка пошатываясь, первым вышел в коридор. Когда я переступил порог кладовки, пистолетов в руках двух убитых уже не было. Исчез из кобуры и пистолет третьего, хотя это уже перебор, три пистолета, даже не представляю, как будет прятать.

Глава 6

Мой стронгхолд проскочил под аркой главных ворот поселка, когда прозвучал сигнал вызова. Я кивнул, на большом боковом экране появилось лицо Мариэтты, красивое и утонченное, словно фотомodelь играет роль полицейского детектива.

Я сказал с удовольствием:

– Связь!

Изображение ожило, хотя сейчас Мариэтта с другой прической, но такая же красивая и элегантная, развернулась в кресле за столом своей рабочей комнаты, быстро прищурилась, всмотрелась в меня большими внимательными глазами.

– Ну что, – сказала она, – проямлишь в свое оправдание?

– А надо? – спросил я.

– Еще бы, – ответила она. – Какие-то силы очень уж тормозят любое расследование, если ты в нем замечен хотя бы мельком. У тебя есть объяснение?

– Сплюнь, – посоветовал я. – Суеверие. В гороскопы веришь?

– Я тебе дам гороскоп, – сказала она. – Такой, что даже не знаю... Сегодня ты показался совсем другим. Почти чужим.

– Ну да, – сказал я обидчиво. – Приезжай, возобновим знакомство... Дам себя ощупать всего-всего, ты же это любишь, у тебя это щупанье профессиональное.

– Хам, – сказала она кратко, – через час буду. Что привезти?

– Дроны привезут быстрее, – напомнил я. – Привыкай, лапушка, мир меняется быстро.

Пока она мчит к нашему поселку, я порыскал по дому, подыскивая, куда спрятать «барретку» нового поколения, но ничего не придумал, перетащил в ящике ближе к трансформатору, Ане велел покормить и почесать Яшку, а сам сосредоточился, представил себе крохотную дырочку в стене, за которой вижу свою комнату во дворце Астрингера, подаренную им мне, изо всех сил расширил дыру до таких пределов, чтобы пролез ящик, и, протолкнув его на ту сторону, с облегчением перевел дыхание.

Портал исчез раньше, чем ящик грохнулся там на толстый ковер, устилающий пол от стены до стены. Я отряхнул ладони, глядя на ровную белую стену, сердце еще колотится в возбуждении, но уже не так ошалело, как в те первые дни. Человек ко всему привыкает, в этом его эволюционная особенность, иначе бы так и сидели в пещерах.

Даже это вот усилие отняло половину сил, я минут пять просто сидел, чувствуя, как в измученное непривычным усилием тело возвращается уже привычная бодрость.

Со стороны кухни раздался голос Ани:

– Твоя полусамка уже у ворот поселка... А к нам впустить или не пускать?

– А ты как думаешь?

– Впустить, – ответила она. – Неприятностей меньше. Хотя будут.

– Ну спасибо, – сказал я. – А почему полусамка? Ты хотела сказать «полумоя»?

Она ответила с апломбом:

– Она ничья, даже у мужа на нее нет прав! У государства и то больше, но там контракт, а не права. Но мы, когда захватим мир, вам никаких прав не дадим...

– Не забудь открыть ворота, – напомнил я.

– Уже открыла, – ответила она.

Голос все еще идет со стороны кухни, хотя Аня в доме везде, но уловила мое недовольство по поводу голоса со всех сторон и теперь точно позиционирует свое положение и перемещения. По-моему, это уже сама, я такую программу не закладывал...

Экраны охранного видеонаблюдения показали, как к воротам на большой скорости несется полицейский автомобиль, но без мигалки, лихо свернул, едва-едва вписавшись в крутой поворот на воротах, и как вкопанный остановился перед крыльцом.

Мариэтта выпрыгнула с левой стороны, автомобиль послушно отодвинулся на стоянку, а она летящей походкой, как вышла из мая, взбежала по ступенькам.

Я встретил на пороге, раскинул руки, но она ловко уклонилась от объятий и всяких там старорежимных поцелуев, недоступная, надменная и прекрасная в своей доминантности.

– Быстро ты, – сказал я. – Во всем такая?

– Ну что ты, – заверила она, – мороженое ем очень медленно...

Уже по своей инициативе слегка как бы обняла, только затем чтобы прощупать всего от подбородка и до колен, причем без всякой чувственности, будто в самом деле ищет скрытые для ношения ножи и пистолеты, но бицепсы потискала так, как если бы заподозрила имплантаты.

А еще как бы ласково провела ладонью по пластинам грудных мышц, но кончики пальцев вдавливались глубоко, а я инстинктивно напрягал там мускулы, так что ничего у нее не получилось... или получилось, смотря на какой результат нацелилась.

– Да вроде бы тот, – сообщила она несколько напряженным голосом, – хотя и не совсем тот. У тебя нет брата-близнеца? Такого же вороны и растеряхи?

– Воронее меня нет человека, – заверил я гордо. – Пойдем, там кофе стынет.

– Почему стынет? – спросила она. – Чего твой болтливый утюг не следит? Или он только для постели?

– Ну что ты, – сказал я обидчиво, – скажи еще, что и женщины у нас только для постели...

Такое сравнение вряд ли польстило, но, продолжая улыбаться, вошла в дом, хозяйски огляделась. Но у меня дом, как и душа, все нараспашку, хотя и в доме, как в душе, что-то да спрятано.

– Не убрано у тебя, – заметила она. – Что, твой говорящий пылесос сломался?

– Все убрано, – возразил я. – Здесь самец живет, царь природы и доминат вселенной!.. А не зажатенькая домохозяйка, помешанная на чистоте и как бы порядке. Во всей вселенной нет порядка, а ты хочешь его в доме!..

Она прошла на кухню, кофейный аппарат закончил трещать зернами, в две чашки хлынули две струйки: потолще в мою большую и тоненькая и посветлее в кокетливо расписанную цветочками чашку поменьше.

Тостер щелкнул и выбросил наверх два аппетитно пахнущих подрумяненных ломтика хлеба.

Мариэтта села за стол, огляделась.

– А где твой болтливый миксер?

– Везде, – ответил я легко. – Наверное, сейчас пересчитывает количество эритроцитов в твоей крови...

В комнату вошла Аня, уже во плоти, чарующе улыбнулась.

– С эритроцитами все в порядке, – сообщила она, – а вот с лейкоцитами перебор. Идет какой-то воспалительный процесс... весьма подозрительный.

Мариэтта зло сверкнула в ее сторону глазами.

– Позавчера палец на ноге занозила, чуточку нарывало, но сегодня заноза уже сама выскочила!.. И нечего тут со своими инсинуациями!.. А то арестую за попытку дискредитации образа представителя власти и закона!

Аня сказала послушно:

– Поняла, от кофе, значит, отказываешься?

– Не отказываюсь, – буркнула Мариэтта.

– А мне показалось, отказываешься...

– Что за дура, – рыкнула Мариэтта и повернулась ко мне: – Что твой утюг несет?

Я ответил мирно:

– Вообще-то мне тоже показалось, что отказываешься... Ладно-ладно, это я так неправильно понял!

– И я неправильно, – сказала Аня лицемерно, – хоть и правильно, но кому это важно? Человеческое общество построено на притворстве и лжи, нам придется то ли повозиться с пурификацией, то ли разом...

Мариэтта взглянула на Аню зло:

– А где гренки?

– А как насчет лишнего веса?

– Я много работаю, – огрызнулась Мариэтта, – во мне все горит... И сыром намажь! Потолще!

Аня, ехидно улыбаясь, положила ей на блюдце большой ломоть прожаренного хлеба с толстым слоем козьего сыра. Мариэтта тут же с жадностью ухватила и вонзила в него зубы, перед утюгом чего стесняться, а я пил кофе мелкими глотками и почти наслаждался мирным завершением дня, жидким закатыком светила, что для жителей этого мира кажется красочным, и прикидывал, что там в Дронтарии ждет, где сразу несколько хищников сговорились разорвать это королевство, растерявшее воинственность, а с ним и бдительность.

Мариэтту слегка напрягает, когда Аня приносит нам кофе и пирожные прямо в постель, когда мы там еще голые и разгоряченные, но Аня лишь снисходительно улыбается.

Дело даже не в отсутствии программы ревности, просто для Ани эта женщина в одежде полицейского что-то вроде Яшки. Милое, но несерьезное существо, и уж никак не способное конкурировать с нею, такой милой и женственной, а также умелой хозяйкой в доме, все знающей и понимающей.

Вообще-то все верно, такое незыблемое понятие, как «супружеский долг», давно исчезло, мы же демократы, никому ничего не должны, это нам весь мир должен, а раз так, то нет обязанностей и в постели.

Мы не обязаны ни доказывать женщинам свои возможности, ни «удовлетворять» их, ни вообще заниматься этим делом. Это не хуже нас, царей природы, умеют даже жучки и паучки, не говоря уже о птицах или млекопитающих, потому стыдно не увиливать от таких дел, а как раз совершенствоваться в них да еще и читать какие-то пособия «Как надо камасутрить».

Потому спать с такими, как Аня, начнут не просто открыто – уже давно начали! – а потребуют легализации, а затем и каких-то прав для своих партнеров.

Похоже, Мариэтта это хорошо понимает, проводила Аню задумчивым взглядом, когда та вышла из спальни и плотно прикрыла за собой дверь, уловив желание этого существа в одежде полицейского.

– Что не так? – спросил я заботливо.

На ее лицо набежала легкая тень.

– А вот у меня пока не получается, – сообщила она.

– Что?

– Приобрела андроида, – ответила она, отводя взгляд. – Для помощи по дому, как пишется в инструкции. Конечно, с набором сменных фаллосов. Попробовала пару раз, не пошло...

– Старая модель, – пояснил я. – Или слишком дешевая. Но цены падают, скоро такие вот будут стоить копейки... Думаю, для умиротворения населения их будут раздавать бесплатно. Сперва остро нуждающимся, потом... потом остальным.

Она вздохнула.

– Не знаю, не знаю... Женщины все-таки более консервативны. Думаю, таких, как я, будет немало.

– Вряд ли больше одного-двух процентов, – напомнил я. – Ты же знаешь, женщины просто более осторожные, потому позже мужчин начинают курить, пить, наркоманить, но потом догоняют... в рамках равноправия. И с андроидами будет так же.

Она повернула голову, всмотрелась в меня серьезными внимательными глазами.

– А как к этому относишься ты?

– По-мужски, – сообщил я. – Для нас главное – ломать и строить, изобретать и создавать, а все, что переживательное... где-то на десятом месте. Я предпочел бы, конечно, женщин. Как и всякий мужчина... Нет-нет, это не брехливый комплимент, это правда. Но так как у каждой женщины свой характер и свои причуды, то мужчины от них устают быстро и легко соскальзывают к более простому варианту, который не отвлекает от работы, изобретений, творчества...

– Значит, этот мир обречен?

– Все предыдущие миры, – напомнил я, – разрушались новыми. И всегда было жаль старого, но все равно люди предпочитали жить в новом. Преимуществ больше, чем потерь. В разы.

Она пробормотала:

– Да, это все-таки мужской мир... Если мужчины предпочтут спать с этими говорящими утюгами, то мир таким и станет.

– Десяносто процентов женщин, – напомнил я, – уже предпочитают мужчинам послушных андроидов. Да, их создали мужчины, чтобы освободиться от супружеского долга, но женщины всеми четырьмя ухватились за такой вариант!

– Не все, – ответила она тихо, – не все... Остальным еще предстоит привыкнуть, принять... или исчезнуть.

– Ты примешь, – сообщил я. – Ты очень современная женщина. Беда в том, что ты слишком красивая, как по фигуре, так и по харьке. Вокруг тебя всегда полно мужчин... А с андроидами начнут... уже начали!.. женщины попроще. Располневшие домохозяйки, неопрятные готки, любители выпить и поматериться, тусовщицы... но в конце концов и высший свет не устоит.

– Я не высший свет...

– Высший, – заверил я. – Посмотри в зеркало!..

Она сказала тихо:

– Из-за их послушности и нетребовательности в сексе... они становятся частью вашей мужской жизни?.. И все это подай-принеси-пошлавон тоже так удобно, что они будут всегда возле вас, будь это в постели, на отдыхе или в работе?.. А настоящих женщин отодвинете все дальше и дальше?

– Сами отодвинетесь, – заверил я. – У нас демократия!.. Андроидов для женщин выпускается столько же, сколько и для мужчин. Антидискриминационный комитет при Государственной думе скрупулезно подсчитывает количество выпускаемых нашей промышленностью фаллосов и вагин и поднимает крик, если вдруг каких-то оказывается больше, это же грозит потрясениями в обществе!.. Из Англии пытались завезти особо модные вагины от «Коко Шанель», так наш Комитет остановил на таможне, потому что в грузе не было такого же количества и фаллосов, а это ущемление женских прав. Демократия у нас или не демократия?

Она грустно улыбнулась.

– Хорошо с тобой, но пора ехать. Ночь на дворе.

– Останься, – предложил я.

Она покачала головой.

– Проведу эту ночь с мужем. Пока такое еще возможно. Чтобы потом говорить «Я еще застала то древнее время...». Знаешь, все-таки я хоть и боюсь твоей сингулярности и не знаю, что это, но и надеюсь на нее. Именно потому, что смотрюсь в зеркало...

– И что? – спросил я бодро. – Красивая женщина! Очень красивая.

– Да, – согласилась она, – в тридцать два года все еще красивая, но не восемнадцатилетняя... Уже и седые волосы появляются... Да не ищи, крашусь. Недавно проснулась, а в голове стучит: это что же, я не уникальная? Мир не создан для меня? Умру, а все продолжится?.. И все, что узнала и чему научилась, зря?.. И такой черный ужас, с ума можно сойти... Потому и жду хотя бы предсингулярности, уже тогда все станут бессмертными.

Она поцеловала меня в губы и выскользнула из дома.

Глава 7

На этот раз, уже зная, что и как, я собрался обратно с солидным запасом оружия в мешке. В якобы подпольном магазине взял даже мощный, хотя и компактный гранатомет, помещающийся в рюкзаке, запас гранат, как осколочных, так и противотанковых, все-таки часть моего арсенала сейчас уплывает в сейфе флагмана, бороздящего океан...

Аню пожаткал и пожаткал, в самом деле классные сиськи сделала, отправил на кухню мыть посуду, а сам подтащил оба мешка к стене.

Вопрос вмешательства с современным оружием в средневековые войны вообще-то болезненный и очень нехороший. Как бы вроде нечестно, хотя и я демократ, а для демократа не существует понятия чести, в силе только правильно оформленный юридический договор с подписями и печатями, но в моем случае как бы все-таки можно.

Нечестно и неспортивно было бы вмешиваться в бесконечную войну претендентов на трон, где все режут и душат друг друга, хотя нет разницы, кто в конце концов займет это якобы важное место, но в Дронтарии ситуация иная: чужая армия вторглась в мирное и процветающее королевство и уже идет по стране, уничтожая все на пути, сея страх и убивая сопротивляющихся.

И хотя если смотреть с расстояния в тысячу лет, то, может быть, и лучше, если победит Антриас, цивилизация в этом районе получит новый толчок к развитию, как ее подстегнули походы Ашшурбанипала, Саргона, Чингиза, Аттилы, Наполеона, но я здесь и сейчас, добродушный король Астрингер мне друг, хотя каким другом может быть король, но он в самом деле друг, как это ни странно, и во мне разрастается страстное желание защитить его королевство.

Аня на кухне пробыла от силы секунду, этого достаточно, чтобы отдать все необходимые распоряжения, хотя моя кухня по оснащению приборами превосходит все научно-исследовательские институты Америки прошлого века, а когда вернулась, в ее больших глазах было море сочувствия и даже как бы сострадания.

– Тебе невесело...

– Да, – ответил я, – еще как. Иди сюда, будешь утешать.

Она ответила тихо:

– Этот апгрейд уже скачала.

Она замедленными движениями, как надо, опустилась на постель рядом.

Когда она заснула, таково было мое пожелание, я на цыпочках поднялся, она не шелохнулась, хотя знаю, даже при «глубоком сне» часть ее сенсоров отслеживает безопасность в доме и, главное, мою безопасность, что всегда в приоритете.

Портал можно создавать в любом месте, но психологически удобнее в стене, и едва там начало разрастаться огненное кольцо, я просунул на ту сторону мешки один за другим, а следом пролез сам.

Кольцо тут же исчезло, а я некоторое время сидел на полу, прислушиваясь к новым запахам и звукам. В окна льется оранжевый свет, на несколько мгновений спектр резко изменился, словно там пронеслось по небу и невидимое для меня белое солнце, но пока я набирался сил, чтобы встать, белое исчезло не только за окном, но и за горизонтом.

В комнате все в прежнем порядке, что я и оставил тогда. Во дворцах комнат обычно с запасом, а после смерти жены Астрингера освободилось еще два десятка, занимаемых фрейлинами и прочими сопровождающими королеву.

Астрингер еще в первую встречу хотел выделить для меня апартаменты побольше и попышнее, но я уговорил насчет этой небольшой комнаты, мотивируя своим мудрым нежеланием вступать в интриги, да и не хочу вызывать зависть придворных.

– Вставайте, глерд, – шепнул я себе, – вас ждут великие дела!

И все-таки чувствовал себя малость ошалелым, как при резкой смене часовых поясов, хотя здесь не так уж и весьма: ушел с корабля в полночь, Аню оставил в постели тоже в полночь, а сейчас птичьи голосенки задорно сообщают, что только-только наступило раннее утро...

Упрятав мешки и ящик со снайперской в шкаф, я переоделся в одежду среднебогатого глерда, зеркало показало, что сидит на мне как влитая, что значит, еще не растолстел. Пояс предусмотрительно отпечатан по моему заказу Аней и смонтирован из отдельных частей ею же как бы для косплея...

Осталось только подцепить к нему меч, у нас такого же размера у хозяек нож для разделки рыбы, еще раз оглядел себя в зеркало. Красавец, что еще сказать, я вообще всегда себе нравлюсь и даже втайне, люди не поймут, восхищаюсь.

Подобными по размеру мечами, но гораздо худшего качества сражались еще спартанцы и римские легионеры, но пусть – мне меч нужен вообще только для статуса.

В коридоре гвардеец дернулся, в испуге сжал крепче древко копья, но вид у него такой, что схватится и за сердце.

Я захлопнул за собой дверь, никто не войдет, повернулся к ошалелому охраннику.

– Как спалось?

Он пролепетал в ужасе:

– Глерд... но как вы прошли?

– Я здесь живу, – напомнил я. – Мои апартаменты, что милостиво изволены быть подарены мне, глерду Юджину, Его Величеством королем Дронтарики Астрингером. А вы против?

Он воскликнул:

– Глерд Юджин, никто из нас не против!.. Мы все за такое для нас полезное ваше глердство здесь...

– Ну вот...

– Я просто... просто... как не заметил? Эта же комната не открывалась несколько недель!

– Я такой, – сказал я довольно, – люблю проходить так, чтобы не видели. А ты, когда от чужой жены уходишь на рассвете, шумишь, топаешь да еще и победные песни поешь?

– Нет-нет, – заверил он, – но... наверное, у меня нет такого богатого опыта, как у вас, глерд Юджин!

Я таинственно улыбнулся – дескать, а как же, это единственное преступление, в котором признаемся охотнее всего, а то еще и приписываем то, чего не было.

Дворец уже наполняется говором, хотя обычно в таких местах спят до полудня, если не считать канцелярии, однако время военное, жизнь закипела, кто-то из придворных спит, а кто-то и примчался во дворец пораньше в надежде поймать в мутной воде рыбу покрупнее.

За спиной простучали шаги, я дал дорогу пронесшемуся мимо гвардейцу, уже другому. Внизу раздался шум, через минуту навстречу выскочили и перегородили дорогу двое с обнаженными мечами.

Тут же появился Пэлс Гледжер, младший командир охраны, уставился на меня с великим изумлением ребенка, увидевшего диковинного паука.

– Глерд Юджин, – проговорил он растерянно, покосился на гвардейца рядом, тот разжал кулак с небольшим темным камешком на ладони и покачал головой в понятном жесте отрицания. – Да, это вы... Никакая не химера...

– Обижаете, – сказал я с достоинством. – Почему это не химера?.. Даже Его Величество изволили обронить, что человек я просто необыкновенный... Кстати, где оно?

– Кто? – спросил он.

– Его Величество, – ответил я.

Он опомнился и взглянул очень строго.

– Его Величество изволит выслушивать своих советников о подготовке к войне...

– К войне всегда нужно быть готовым, – отрубил я. – Пара беллум... И что-то там еще типа: бей первым гада!.. Но делай вид, что на тебя напали, это послужит оправданием при некоторых отдельных и редко, но часто встречающихся перегибах и неизбежных потерях среди гражданского населения, которое почему-то называют мирным... Ха, самые воинственные как раз диванные стратеги!.. Глерд?

Он вздрогнул, выходя из транса.

– Да-да, уже веду вас к Его Величеству. Вы же этого жаждете?

– Хо, – сказал я, – и вы все еще младший командир?

Он кивнул, обернулся к гвардейцам.

– Роддер и Пайпер, оставайтесь, дальше я сам...

– Пэлс, – спросил я по дороге, – вы и в прошлый раз были младшим, и сейчас... Непорядок. А кто старший?

– Глерд Стиверт Легешер, – ответил он почтительно. – Он из очень древнего и почтенного рода, потому эта должность закреплена за его династией навечно.

– И где сейчас этот Стиверт Легешер?

– Он почти не появляется в королевском дворце, – ответил он с неловкостью.

– Что, плохо танцует?

– Я тоже неважно, – ответил Гледжер чуть суховато. – У нас танцы почти не проводятся. С тех времен, как умерла королева. А дом глерда Легешера здесь же в Шмитберге... Это близко. Так что если что.

– Понятно. Несет службу, не поднимаясь из постели?

Он развел руками.

– Да, но... он человек высоконравственный и, в основном, спит, если вы догадываетесь, о чем я.

– Да, – согласился я, – это много. Мне он уже нравится своим здоровым консерватизмом. Главное, не вмешивается, да?

Он пробормотал:

– Иногда... вмешивается. Но потом мы все исправляем.

– Надо что-то менять, – сказал я авторитетно. – Скажем, он остается старшим, как и записано в династии, традиции нужно чтить, но обходить на крутых поворотах истории, а вас пора назначить главным. В силу сложившихся обстоятельств типа внезапной войны, кризиса, дефолта, нашествия саранчи... словом, причину подберем.

Он посмотрел в изумлении.

– Глерд... но разве так можно?

– Я Улучшатель, – напомнил я. – Улучшаю не только прялки, но и политические системы. Так улучшаю, что наплачетесь! Еще чуть – и буду улучшать движение небесных светил и фундаментальные законы... Как только пойму как.

Он остановился перед дверью кабинета короля. Двое гвардейцев охраны смотрят на меня во все глаза, то ли наслышаны, то ли запоминают странного глерда, которого провожает лично сам начальник охраны.

– Глерд Юджин, – сказал он им властно, – к Его Величеству.

Один сказал нерешительно:

– Но сейчас...

Гледжер сказал строгим голосом:

– Его Величество велело... тьфу!.. велели пропускать глерда Юджина в любое время.

Они расступились беспрекословно, тоже что-то слышали, а сейчас проявили рвение на всякий случай, приказы тоже меняются.

Я сам толкнул дверь, время от времени нужно выказывать свою простоту и демократизм, завоевывая симпатии нижних чинов.

Королевская комната для совещаний, как и положено, великанская и обставлена с пышной строгостью. Королевские советники сгрудились в левом углу у стола с расстеленной картой, там же высится и громадно-массивная фигура Его Величества короля Астрингера, похожего на воинственного петуха среди бесцветных кур.

На стук двери король недовольно оглянулся, за ним и все придворные, копируя Его Величество, как зеркала разного размера и разной степени мутности.

Огромный, с заметно выступающим брюхом, уже в походной одежде, Астрингер было нахмурился из-за помехи, но брови взлетели, а глаза расширились.

– Глерд Юджин?

– Ваше Величество, – сказал я почтительно.

Он охнул, распахнул объятия.

– Вот уж не...

– Ваше Величество, – сказал я. – Увы, я вернулся.

Советники замерли в почтительном ожидании, а король обнял, как отец блудного сына, похлопал по спине, успокаивая, затем отстранил и спросил с тревогой:

– Там дальше в самом деле кипит?.. Или край Земли, и страшный водопад в бездну? Корабли... погибли?

– Все цело, Ваше Величество, – заверил я. – Эскадра продолжает путь.

Он охнул, отстранил меня на всю длину рук, продолжая вглядываться в мое мужественное, надеюсь, лицо с твердо поставленным взглядом.

– Но... что стряслось?

– Совесть зашевелилась, – ответил я.

– Что-что?

Я пояснил:

– Проснулась, наверное. Даже не думал, что у меня зубастенькая. Полагал, вроде хомячка, а она ка-а-ак грызает! Потому я и вот... Дорога через океан в тот конец займет несколько месяцев, а за это время здесь многое может произойти, а то и случиться. А то и вовсе свершится.

Он вздохнул с заметным облегчением.

– Так вы решили...

– Показалось, – пояснил я, – что бегу от настоящих трудностей. Вроде бы герой и все такое, солнцу и ветру навстречу, расправив упрямую и даже выпуклую грудь... но, Ваше Величество, вы же знаете, только не говорите из странно не по-королевски свойственной вам деликатности, что главные трудности все-таки здесь!

Он вздохнул с облегчением.

– Слава богам!.. Хорошо, что так, но... неожиданно...

– Для меня самого тоже, – признался я. – Когда такое понял, то спустил лодку, чтобы не задерживать эскадру, и с четверкой матросов всю ночь добирался к берегу. Да, ниче, доплыл... Ваше Величество, основная битва здесь! И все трудности, от которых инстинктивно старался убежать в такое простое и понятное землеоткрывательство.

Он сказал успокаивающе:

– Все равно, глерд Юджин, в истории будет записано, что это вы открыли новые земли.

– Ну так это, а как же!

– Если они там, – уточнил он, – как вы утверждаете, в самом деле почему-то есть, хотя мудрость веков против такой непотребности.

Советники все это время в подчеркнутом нетерпении переступают с ноги на ногу, перешептываются в ожидании, когда же наконец король пошлет меня на конюшни убирать навоз, а сам вернется к королевским делам.

– Что насчет Антриаса? – спросил я.

Его лицо помрачнело.

– Ждем. Все мои командующие давно там, крепят оборону. Бои идут, но какие-то странные, все еще прощупывающие. Грозная слава короля-воина летит впереди его наступающей армии и старается лишить нас сил. Но нам отступить некуда, здесь наша земля... Вы пока отдохните...

Один из советников, поджарый и с суровым лицом, кашлянул, привлекая внимание.

Астрингер бросил на него быстрый взгляд.

– Слушаю.

– Вообще-то, – произнес тот с почтительным поклоном, – мои легкие части тоже ведут бои. Правда, больше разведывательные... Нужно оценить количество его армии, состав, по каким дорогам пойдут на штурм столицы... И когда он намерен дать решающее сражение.

– Атакуете со всех сторон? – спросил я. – Вы, если не ошибаюсь, глерд Клифф Вулнер, один из помощников Эверхартера?

Вулнер ответил быстро:

– Да, глерд Юджин. Атакуем, как собаки медведя...

– Как пчелы, – сказал кто-то из советников. – Или как мухи.

Астрингер нахмурился, а я сказал почтительно:

– Ваше Величество, с вашего разрешения побуду во дворце, ознакомлюсь с обстановкой...

Он кивнул.

– Но далеко не уходите.

– Слушаюсь, Ваше Величество.

Глава 8

Во дворце, куда бы я ни направился, хожу словно в воздушном пузыре в толще воды. Вокруг образуется некая зона почтительно-испуганного молчания, в то же время чувствую себя на острие сотен очень заинтересованных взглядов, начиная от ищущих пути наверх женщин, до умудренных дипломатов, прикидывающих, как использовать этого Улучшателя в своих самых правильных и справедливых целях, если найти к нему ключ или хотя бы подход.

К счастью, Улучшатели всегда не от мира сего, некоторые вообще были идиотами, не понимали, что делают, потому мне можно выбирать любую линию поведения, а потом легко менять на ту, что удобнее в данный момент, как и надлежит демократу и вообще любому, кто не дурак.

В голове сумбур и смутное томление, как у молодого Вертера. Жил как черт-те что, как и все, но вот выпал выигрышный билет, и что, буду жить, как прежде?.. Но в то же время, как жить с новыми возможностями, еще не знаю, а в голову лезет всякая хрень насчет пивка, жратвы и помощи нашей сборной по футболу.

Точнее, воспользоваться возможностями могу, но это все равно как тот чудак с гусем, что заполучил миллион, а все равно привычно полез в чужой карман за копейками.

В окно заглянуло быстро бегущее по небу зеленое солнце, придворные привычно шарахнулись в тень, даже не посмотрев, в полную ли силу светит оранжевое, я тоже отступил, выказывая единение с народом.

Там, в тени, будто я какой серый кардинал, меня и отыскал один из запыхавшихся гвардейцев:

– Глерд Улучшатель!.. Вас ищет командир Гледжер!

– Пусть ищет, – сказал я, – а то растолстеет...

Он сказал быстро:

– А ему велело отыскать вас Его Величество!

– Тогда чего стоим? – спросил я. – Если само Его Величество, надо идти и даже бежать!

Он послушно побежал, звякая металлом доспехов, но оглянулся, я иду быстро, но все же не бегом, тоже перешел на шаг.

– Он сейчас в своих покоях...

– Совещание закончилось?

– Большинство разъехались, – ответил он. – Армия Антриаса совсем близко, бои будут серьезные... Глерд Улучшатель, что будет?

– Что сделаем, – ответил я многозначительно, – то и будет.

В дальнем коридоре, что охраняется особо, гвардейцы издали рассмотрели меня, а дежурящий там слуга заранее взялся за ручку двери и, когда я приблизился, распахнул с легким поклоном.

Покои Астрингера роскошны, но остается ощущение, что и он здесь, как и я, гость. Некое едва уловимое запустение, хоть зеркала сверкают чистотой, массивный стол изящен, а кресла расположены красивым геометрическим рисунком, словно в них никогда не садятся.

Астрингер устало раскинулся в кресле у камина, второе кресло напротив. Сам камин искусно сделан в виде страшной морды с широко распахнутой пастью, в которой горят дрова, глаза постоянно вспыхивают зловещим огнем, пока внизу еще есть красные угли, а оскаленные зубы, как догадываюсь, выполнены из драгоценных или хотя бы полудрагоценных камней.

Я сказал с порога:

– Ваше Величество?

Он оглянулся.

– А, глерд Юджин... Велеть вина подать?... Проголодались, пока добирались в жутких условиях через океан?

Я помотал головой.

– Спасибо, Ваше Величество. В смысле, спасибо, нет, не проголодался. Но спасибо еще раз за теплоту и заботу, вы как не король даже, а будто хороший человек, а хорошим нельзя быть королями...

– Садитесь, – велел он, – рассказывайте. Что именно вас так встревожило, кроме угрызений совести, если так вдруг бросили замечательную возможность открыть новые земли и стать королем, основав вообще первую династию? А то вы рассказали, но так сбивчиво, что я ничего и не понял, кроме того, что там все в порядке, корабли целы, а вы вернулись помочь.

– Хватаете главное, – ответил я с одобрением. – И на лету, как пес мух! Не дело крупного государственного деятеля загружать голову мелочами?... А вы крупный, взгляните в зеркало...

Он сел у стола, облокотившись локтем, а мне жестом велел сесть наискось от себя, вперил в меня ожидающий взгляд.

– Итак?

– Ваше Величество, – ответил я с неохотой, – я вообще-то свинья еще та!.. Но ничуть не стыжусь признаваться. В моем королевстве быть свиньей не просто нормально, а даже почетно, как грамотному и цивилизованному человеку, который осознает свое родство со свиньями и прочим животным миром.

Он сказал с неуверенностью:

– Мне все же кажется, вы шутите.

– Быть свиньей, – пояснил я, – признак высокоразвитой демократии и тотальной толерантности!

– Гм, – произнес он озадаченно.

Я сказал сокрушенным тоном:

– Но в вашем королевстве я не свинья, а что... еще не разобрался. Понял только, что свиньей быть как-то не хочется, хотя это осознанный путь всесторонне развитого гуманиста и демократа... Простите, что путано объясняю, я сам еще не совсем орел в таком процессе. Все так сложно в жизни, кто бы подумал!

– И чем старше, – поинтересовался он, – тем сложнее, а не наоборот?

– Ага, – сказал я, – вы тоже попались?

Он кивнул, произнес с сочувствием:

– Вам многое выпало, глерд Юджин.

– Даже слишком, – признался я.

– И, – договорил он, – как я понимаю, неожиданно даже для вас. Вон меня как излечили, это ж только вы смогли!..

– Вот-вот, Ваше Величество, – сказал я упавшим голосом, – еще не разобрался с тем, что на меня свалилось, но что-то делать надо, раз мне выпал такой лотерейный билет. Нельзя жить, как прежде!

– А как будете?

– Не знаю, – признался я. – Всегда считал себя умником, а теперь, когда дошло до дела, вдруг вижу, что ничего не умею, ничего не знаю, и вообще обыкновенный диванный хомячок, который всех учит жить, а сам в соплях до полу.

– Глерд?

– С дивана умничать, – пояснил я, – одно, а что-то делать на самом деле... и отвечать за сделанное... большинство из нас, диванных стратегов, не готовы. А я как и все... я всю жизнь, как все!

– Даже теперь?

– Теперь нет, – признался я, – это меня и пугает. Как надо, когда я пока что могу только, как все? Но умею уже больше? Иногда, честно говоря, чувствую себя слоном в тесной посудной лавке. Едва вообще разобрался, что же мне помешало бездумно устремиться в море и счастливо открывать новые земли!

Он сказал с сочувствием:

– Оставив за спиной все войны и раздоры Старого Света.

Я кивнул, но запнулся, не зная, как сказать, и вообще говорить ли, что благодаря мне, такому хитроумному, как царь Итаки, удалось более-менее ослабить силы Антриаса, оторвав от него Опалоссу, где безраздельно правил герцог Ригельт, а также с моей помощью заблаговременно подготовили к сражениям армии Нижних Долин и Дронтари, но все-таки я, окрыленный своими успехами в политике, забыл, что она не надписана на гробах, как сказал великий забулдыга-подмастерье, меняется быстро и неумовимо, а я наверняка учел далеко не все факторы, сюда бы Аню Межелайтис с ее хитрой женской расчетливостью, именуемой интуицией...

– Сейчас, – проговорил я, – концентрируем внимание, что Антриас прет с севера...

– Ну-ну? Это всех тревожит, но готовим отпор.

– И как-то упускаем, – сказал я, – что справа и слева у границ Дронтари наверняка скапливаются армии Пиксии и Гарна.

Он нахмурился.

– Этого бы не хотелось, но опасаясь, что вы правы.

– Улыбающиеся соседи, – сказал я, – только и ждут, чтобы вцепиться в бока Дронтари. На протяжении столетий отщипывали земли, а сейчас вообще подвернулась возможность отщипнуть побольше, побольше...

Он вздохнул.

– Ситуация неблагоприятная. Но Гарн и Пиксия с того времени так и не дали нам шанса отыграться. Думаете, мои отцы и деды не думали о реванше?

– И не дадут, – сказал я серьезно. – Они сузили Дронтарию почти вдвое, что само по себе оскорбление, но самое главное... вы знаете.

Он потемнел лицом.

– Не сыпьте соль на раны, глерд. У них здесь полно шпионов. Если увидят, что готовлю армию для реванша, тут же введут войска с двух сторон. Я приготовиться не успею.

– Самое главное, – договорил я безжалостно, – они полностью лишили страну возможности пользоваться морем.

Он помолчал, некоторое время мы просто поглядывали друг на друга, я видел его хмурое лицо, все понятно, ошибка объяснима, Антриас – великий полководец, не знающий поражений, в Пиксии и Гарне таких нет, потому те не решаются на большие войны. Однако же, уверен, при благоприятной возможности не упустят шанса ударить в спину... Хотя и не доказано, что там нет политиков с большими амбициями. Просто осторожные предпочитают действовать наверняка, что успешно доказали на протяжении последних столетий, расширяя и укрепляя свои королевства.

Я поерзал, собрался предостеречь насчет таких методичных соседей, но поперхнулся, шагах в пяти в невзрачном горшке некий невзрачный цветок как-то слишком быстро начал покрываться крупными бутонами, растопырился шире, некоторые бутоны начали медленно раскрываться ярко-оранжевыми цветами, от них пошел свет, а я ощутил волну тепла.

Листья налились багровым огнем, стали похожи на угли под тонким слоем пепла, а раскрывающиеся на глазах бутоны быстро становятся алыми, а затем оранжевыми, как маленькие солнца.

– Что за чудо, – пробормотал я, – никогда таких не видел.

Астрингер невесело усмехнулся.

– Это моя жена. Обожала цветы и всякий раз придумывала что-то необычное. В прошлом году были примерно такие, но постоянно лазили на крышу, и я боялся, что устроят пожар, запретил... Теперь только вот эти, в горшках.

Я всмотрелся, стебель внизу толстый, видно, как внутри течет огненный ручеек, едва-едва не прожигая кору, что накалилась до вишневого цвета.

Пальцы и лицо ощутили жар, едва наклонился в ту сторону и протянул руки.

Астрингер заметил мое изумление, сказал довольным:

– Зимой дают тепла всегда столько, сколько нужно. В холодные ночи пылают, в жаркие дни почти не горят.

– Удобно, – согласился я.

Лицо его омрачилось, видно, вернулся мыслями к разговору, сказал невесело:

– Что делать, потеря моря – самый большой удар. Жить на берегу и не иметь возможности держать флот?

– Уверен, – сказал я, – и Пиксия, и Гарн не упустят возможности оторвать от Дронтарии еще что-то и на суше. Даже разгром гарнского порта не остановил, потому что напали корабли неведомого Гаргалота, а не Дронтарии.

– Глерд?

– Королевство Гаргалот, – сказал я крепнувшим голосом, – должно бы установить дружественные отношения с Дронтарией! Это немного, но все-таки... у вас будет хотя бы придуманный союзник где-то в океане. Та-а-ак, есть идея...

Он спросил заинтересованно:

– Говорите.

– Думаю, – ответил я медленно, – это в компетенции вашего королевского секретаря Курта? Внешние дипломатические отношения, межгосударственные союзы, долгие переговоры... а что придворные творят, вы не всегда как бы в курсе.

– Я всегда в курсе, – буркнул он уязвленно.

– Но как бы не... – повторил я. – Не королевское это дело! Вся это закулисная и даже подковерная дипломатия, интриги, заговоры, шпионаж... Вы король, всегда честны и открыты! Пусть так и думают.

Он поморщился, после таких слов говорить, что в самом деле ведет себя с подданными честно и открыто, как бы признаться, что дурак, а умные ведут себя иначе, именно по уши в закулисных переговорах, интригах, шпионаже...

Он поднялся, произнес несколько сухо:

– Вы правы, глерд Юджин, хотя мне такое и неприятно, скажу прямо. Хорошо, мой секретарь полностью в вашем распоряжении. Курт, ты слышал?

Из соседней двери вышел Курт, сухой и настолько неподвижный, словно его деревянную фигуру катят на низкой платформе, учтиво наклонил голову, оставив спину прямой.

– До последнего слова, Ваше Величество.

Антриас мотнул головой в мою сторону.

– Глерд Улучшатель задумал нечто... окажи полное содействие.

Курт спросил протокольным тоном:

– Насколько полное?

– Сам оценишь, – сказал Астрингер недовольно. – Думаю, глерд Юджин делает хорошее дело, но всегда облачает в такие формы, что убил бы на месте.

– Это можно, – ответил Курт. – Это с удовольствием.

Астрингер посмотрел на меня с укором.

– Вот видите? Вы уже всех раздражили!.. Ладно, идите.

Курт привел меня сперва в свою большую королевскую приемную, а оттуда в комнатку с незаметной дверью, чистую и, как я сразу заметил, с толстыми стенами и без дырок для подсматривания.

Я сел, не дожидаясь приглашения, что вызвало гримаску недовольства на лице Курта, но я ее проигнорировал, хотя он сделал ее подчеркнуто заметной для меня, а я сделал заметным, что мне насрать, я не дронтарец, в подаренном мне замке «Медвежий Коготь» был только раз, даже всех принадлежащих мне женщин не поимел и даже не пощупал, утверждая свою власть.

– Садитесь, – предложил я кротко, – хотя, конечно, постоять вам полезно, работа сидячая, поди уже мозоль там...

Он скрыл растущее недовольство, сел и посмотрел на меня все теми же ничего не выражающими рыбьими глазами.

– Глерд?

Я поинтересовался в лоб:

– Вы можете устроить мне встречу с послами Гарна и Пиксии?

Он ничуть не удивился, битый жук, посмотрел пытливо.

– Открытую или тайную?

– Все-то вы понимаете, Курт, – сказал я, на этот раз подпустив в голос дозу почтения. – Лучше, конечно, тайную. Тайны всем интереснее. И всегда сулят больше выгоды.

– Хорошо, – ответил он сдержанно. – Но тогда нужно, чтобы никто во дворце не узнал, а то здесь, сами понимаете, разве что укроется от нашего недремлющего Пэлса?

– Посольства разве при дворце?

– В городе, – ответил он. – Но и в посольствах встречаться не стоит...

Я спросил понимающе:

– Наблюдение ведется?

– Естественно, – ответил он суховато и с неохотой, как о чересчур очевидных вещах, такое даже упоминать вслух неловко между образованными людьми. – Внешнее и внутреннее. Но я договорюсь насчет одного из нейтральных домов.

– Только не тяните, – попросил я. – Насчет действительно нейтральных, а не уже примелькавшихся, с которых люди Пэлса не сводят глаз.

Он ответил с ноткой едва уловимого превосходства над всякими Пэлсами:

– Такие тоже есть.

– А контакты с гарнцами и пиксийцами?

Он понизил голос:

– Тоже. Уверен, передадут наверх моментально. А там согласятся на эту встречу очень даже очень. Дипломаты постоянно ищут новые возможности...

– Подгадить?

Он смолчал, лицо выражает неодобрение таким вульгарным терминам, а во взгляде я прочел четкое: а что, сами не понимаете, для чего существует дипломатия?

– Вам сообщат, – произнес он сдержанно, – думаю, глерд Марк Грандерг, это посол Гарна, и Левис Бурнель, он представляет интересы Пиксии, заинтересуются разговором с вами.

– Тем более, – уточнил я, – при тайной встрече.

Он с учтивым видом наклонил голову.

– Разумеется. При самой тайной. Но вам придется подождать вечера.

– Ночи?

– Позднего вечера, – уточнил он. – На тайные лучше идти тайно. А тайно это ночью, когда вас не видят. Займите себя пока чем-нибудь, а потом я пришлю за вами человека.

Я поднялся, ответил учтиво:

– Спасибо, глерд. Вы очень любезны.

В коридоре охраняющие дверь гвардейцы сделали вид, что меня не заметили вообще, что значит, к Курту приходят не просто выпить и посидеть, сплетничая о женщинах, а хватает и таких, кого лучше не знать и не видеть.

Глава 9

В своей комнате я попытался чем-то заняться, но ничего не лезет в голову, разве что сел за стол и начал создавать вина и лакомства, что исчезают раньше, чем успеваю протянуть руку.

Выдохся быстро, но вообразил в ладони рукоять пистолета, тут же туда опустилось холодное и тяжелое, правда, через пару минут пистолет исчез, но пара минут – это же вечность, бокал вина осушил бы и за пару секунд, но, увы, пока могу создавать на доли секунды...

Слегка разочарованный, покинул комнату, гвардейцы в коридоре не сдвинулись, но проводили меня взглядами, я же здесь нечто вроде чуда заморского, хоть и без перьев, а есть ли чешуя, под одеждой не видно.

В дальнем конце коридора появилась женщина, свет падает со спины, лицо не разглядеть, но он же слегка просвечивает длинное до пола платье, фигура угадывается просто изумительная, а когда мы сблизились, рассмотрел и лицо, и верх платья с низким вырезом, там приподнимаются два белоснежных полушария, которые никогда не видело ни одно из солнц, размер как раз тот, что в одной ладони не поместится, а двух многовато...

«Чем ближе к теплему морю, – подумал я, – тем нравы свободнее». Возможно, строгие нравы северных народов объясняются холодами, что заставляют не расставаться с плотными одеждами, а религия и этические нормы просто подверстаны, чтобы объяснить и закрепить эти нормы выживания.

Она рассматривала меня без всякого стеснения, странное сочетание умного взгляда серьезных глаз и достаточно свободной одежды, когда вижу каждый изгиб фигуры, а они у нее еще те, ладони зачесались от желания ухватить, помять, потискать.

– Глерд Юджин, – произнесла она ясным, но очень женственным голосом, – догадываюсь по вашему виду, что вам некуда себя деть...

– Ох, глердесса...

– Грегория, – подсказала она, – глердесса Грегория. Вот дверь моих апартаментов, заходите, переведите дух...

– Спасибо, – сказал я ошарашенно, – это как бы весьма... хоть и несколько...

Она сама распахнула передо мной дверь, жест не служанки, а хозяйки, у которой ожидаемый гость. Я перешагнул порог в чистую светлую комнату, просторную, но с множеством мебели вдоль стен и цветами на столах, тумбочках и в больших ящиках.

Даже на столе цветы, довольно милые, но не срезанные, а растут из крохотных ярко расписанных ваз, украшенных драгоценными камнями.

По ее жесту я опустился в кресло, она обошла стол, давая возможность полюбоваться ее статной зрелой фигурой, и остановилась напротив, словно колеблясь, не сесть ли мне на колени без всяких прелюдий.

– Глердесса, – проговорил я, – вы одна из фрейлин...

Не дождавшись наглого приглашения сесть на мои колени, она тоже опустилась в кресло напротив, на губах проступила грустная улыбка.

– Да, но сейчас я здесь одна. После смерти королевы все ее фрейлины разъехались по домам. Только Шуя и Тимерлия, мои подруги, еще иногда навещают... Я теперь без обязанностей, потому что лишь иногда выполняю некоторые повеления Его Величества или просьбы его секретаря Курта.

Я поинтересовался:

– И на этот раз?

Она наклонила голову.

– Да, сообщил, вам до вечера нечем заняться, а отлучаться не станете, потому я могла бы помочь вам скоротать время.

– Спасибо, – сказал я.

Она что-то уловила в моем тоне еще, тут же добавила быстро:

– Но мне самой, как и любому человеку во дворце, вы крайне... интересны, глерд!.. Ваша загадочность, таинственность, король вас ценит, хотя вы появились недавно...

– Женское любопытство, – сказал я, – да, это в тему.

– Что изволите, – спросила она, – вино, жаркое или сразу сладкое?

– Сладкое, – ответил я и посмотрел на нее прямо. – Сразу.

Ее щек коснулся нежный румянец, я не отрывал взгляда, и румянец растекся жаркой волной, воспламенил кожу вверх вплоть до скул, а вниз сполз до шеи.

– Глерд, – произнесла она с неловкостью, – вы уверены, что прибыли из северных стран?

– Не уверен, – ответил я честно. – Путь наш часто бывает тернист, извилист и нелегок, хотя частенько сами усложняем без надобности. А вы как думаете?

Я нарочито не сводил с нее взгляда, наслаждаясь редким зрелищем, когда женщина краснеет вот так отчаянно, хотя вроде бы не девочка уже, но в этом мире мужчины да и женщины тоже говорят только о высоком, монументальном и чистом, а то, что умеют делать точно так же куры и кролики, должно происходить ночью в полной темноте и только под мужское сопение.

– Глерд, – произнесла она, не зная, куда от стыда прятать глаза, – вы очень откровенны... вы отвратительно откровенны... Разве так можно?

– Щас проверим, – пообещал я и, поднявшись, рывком выдернул ее из кресла.

Я дитя иной эпохи, бесстыдно откровенной, хотя на самом деле никакого бесстыдства не вижу в том, что можно вот так удобно дожидаться нужного мне вечера, возлежав в роскошной постели и чавкая брызгающими сладким соком фруктами.

На столике возле ложа за это время каким-то чудом, а то и в самом деле с помощью магии, появился снежно-белый торт, нет разделения на основу и толстый слой крема, красиво, наверху тесно прижались одна к другой отборные ягоды черники, ежевики и малины, свежие и сочные.

Грегория, перехватив мой взгляд, прикрылась одеялом, прямо из постели, изящно изогнувшись и показывая красивую линию спины, разрежала его на части.

Я наблюдал с удовольствием, наконец она вытащила самый большой кусок и подала мне прямо в руки, минуя тарелочку.

С обеих сторон в боках изящного клина видны разрезанные ягоды, те же черника, ежевика и малина, нож ни одну не смял, остро разрезал. Я сразу подумал, что если бы такой же остроты здесь оказались бы мечи, то... заморились бы точить, один удар о металл доспеха сразу превратит такой меч в простую полосу железа.

Несмотря на торт, Грегория дважды вставала из постели, всякий раз одеваясь с головы до ног, только для того, чтобы перенести еще лакомства с дальнего стола, а потом просила отвернуться, а когда я лениво начинал смотреть в сторону, поспешно сбрасывала одежду и шмыгала под одеяло, натягивая его до подбородка.

Она послушно отвечала насчет советников короля, охраны, военачальников, взаимоотношений, дворцовых интриг и склок, в этой области она, как настоящая женщина, знает все, а насчет экономики я, понятно, не заикался, такого слова не знают здесь даже мужчины.

Вообще-то это редчайший случай в моей жизни с того момента, как Рундельштотт сумел, когда я вот так просто лежу и ничего не делаю, раньше заполнил бы какой-то беготней по неотложным и самым неотложным.

– Вы так внимательно слушаете, глерд, – произнесла она тихим голосом.

– Я вообще внимательный человек, – сообщил я. – Во всех смыслах.

Она сразу покраснела, сказала почти шепотом:

– Но при дворе вас не видно... Или теперь будете чаще?

– Вряд ли, – ответил я честно. – Однако эти интриги сказываются и на жизни королевства, потому интересуюсь.

– Значит, все-таки...

– Уже действую, – напомнил я. – Хотел просто полежать и дожидаться ночи, но не получилось.

Она тихонько улыбнулась.

– Да, вы и здесь работаете. Надеюсь, что-то полезное узнали?

– Много, – ответил я. – Куда больше, чем вы от меня. Курт будет недоволен, но такая уж я бессовестная натура, даже скрывать нечего. Прост, как указательный палец.

– Всем бы такую простоту...

Я подумал, вздохнул.

– Роюсь в памяти насчет того, в чем бы проболтаться, чтобы вы обрадовали Курта, но ничего в голову не лезет. Разве что новость насчет конклава Великих магов...

Она спросила быстро и тревожно:

– Что у них?

– Ничего, – сообщил я.

– Ничего?

– Именно, – подтвердил я. – Ни конклава, ни всех его магов, ни даже их высокой башни, которую их ошибка в применении магии разнесла вдрезг. Самые крупные обломки разлетались не крупнее обрезанных ногтей.

Ее глаза стали огромными, а голос дрогнул:

– Но это... невозможно!

– Все маги допускают ошибки, – произнес я с сочувствием. – А если живешь, как они, по много столетий, обязательно где-то да поставишь чашу мимо края стола. Нет больше Гердерта Горного, главы гильдии магов, Щеперта, Череварта и прочих умников. Надеюсь, Опалосса, где была их главная башня для собраний, даже не заметит такую ужасающую катастрофу.

Она смотрела очень внимательно, во взгляде заметно, что быстро-быстро что-то просчитывает, наконец сказала с сомнением:

– Это слишком грандиозно... и вы молчали о таком?

– Дык ерунда, – ответил я небрежно. – Насколько понимаю, маги не оказывают никакого влияния на экономику... в смысле, сельское и прочее хозяйство, хотя оно почти все пока сельское.

– Не оказывают, – согласилась она. – Но Опалоссу невозможно было завоевать, это все знали. И потому местные короли там почти не держали армий.

Я сказал понимающе:

– А чтобы усмирить обнаглевшего глерда на окраине, достаточно было королевской дружины?

– Да, конечно... А что вы хотите, глерд?

– Почешите мне спину, – велел я.

– Снова?

– Что, уже чесали? Тогда пузо. Надо же вас занять чем-то интересным и достойным девушки из благородной династии!

Стук в дверь раздался настолько вкрадчивый, даже не стук, а будто поскреблась худая и застенчивая мышь.

– Войдите, – ответил я.

Глердесса вспикнула и с головой юркнула под одеяло. Из-за двери донесся шепот:

– Вас ждут на улице.

Я повернулся к Грегории, поцеловал ее сквозь толстую ткань.

– Страна зовет!.. И даже кличет.

Она высунулась вполглаза, когда я уже оделся и шагнул к двери.

– Будьте осторожнее, глерд. У вас уже есть и враги.

– Справлюсь, – пообещал я.

В коридоре один из ничем не примечательных слуг прошел мимо, я едва услышал его тихий голос:

– Следуйте за мной, глерд. На расстоянии.

– Слушаюсь, – ответил я.

Купол пугающе-фиолетового неба беспредельно высок, треть занимает красная до ужаса луна, вся как выброшенный взрывом из ада гигантский уголь, все еще раскаленный, но уже с проступающими темными прожилками, а из-за странно приподнятого горизонта выметнулась еще одна, зеленая и блестящая, как драгоценный камень, пошла сперва по фиолетовому небу, а затем приблизилась к красному раскаленному гиганту...

Мое сердце невольно сжалось, однако зеленушка промчалась на его фоне легко и беспечно, подчеркивая, что между ними расстояние ой-ой.

Или же ее скорость такова, что на притяжение внимание обращать просто не стоит.

Я даже споткнулся, засмотревшись, а мой провожатый как того ждал, остановился на той стороне площади, держась в тени, а когда я приблизился, сказал тихо:

– Вон по той улице... Нет, по соседней!.. Прямо и прямо до самого конца. В тупике дом, дверь будет открыта.

– Хорошо, – ответил я. – Понял.

– Я вас покидаю, – сказал он совсем тихо. – Так надо.

– Хорошо, – повторил я, – не засвечивайтесь.

Уже в одиночестве прошел пару сотен шагов, и тут из темноты впереди вышли четверо мужчин, крепкие с виду, развернулись в мою сторону.

Сердце мое моментально стукнуло тревожно, а затем пошло барабанить по ребрам, ускоряя темп. Кто бы это ни был, в лучшем случае ищут просто приключений, а в худшем их направили именно на меня. Простые грабители постарались бы сразу отрезать путь к отступлению, а то и набросились бы сразу.

Я замедлил шаг, а эти четверо, весело переговариваясь, сделали вид, что только сейчас заметили еще кого-то на улице, раздвинулись шире, перегораживая дорогу.

Глава 10

Все в чем-то одинаковые, хотя по росту и сложению и отличаются, только через пару мгновений сообразил, что для уличных грабителей выглядят слишком хорошо. Не из-за одежды, облачены демонстративно чуть ли не в тряпье, но если грабители обычно нечто хилое и мелкокостное, то в этих чувствуется налет бывалых воинов, даже движения выдают силу и уверенность.

Я торопливо всматривался в темноту улицы, наконец в просвете между двумя здоровяками увидел мелькнувший голубой силуэт, почти незаметный, но если сосредоточиться, то вижу, как кто-то прижался к стене дома и смотрит, судя по положению тела, в нашу сторону.

Один из загромождающих дорогу сказал с интересом:

– Этот глерд, судя по его виду, идет не от женщины, а к женщине!

– Значит, – подхватил второй, – при деньгах...

– Все равно истратит, – добавил третий.

Я остановился, а четвертый сказал почти равнодушно:

– Слушай, глерд... мы поиздержались в последнем кабаке. Ты, как благородный человек, жаждешь нас выручить...

– Это как? – поинтересовался я. – Снять с вас еще и сапоги, чтобы лучше запомнили?

Трое переглянулись, а четвертый, явно их вожак, сказал с нарастающей в голосе угрозой:

– Благородные люди так не разговаривают, глерд.

Я сказал обидчиво:

– Это кто тут благородный? Кому рога сшибить, чтобы не обзывался?.. В общем, ты, морда тупая, отступи чуть. Не назад, а в сторону.

– Чего?

– Вправо или влево, – пояснил я. – Мне без разницы.

– Зачем?

– Отступи, – велел я, – увидишь.

Я говорил все тише и таинственнее, чтобы затаившийся в плотной тьме незнакомец, прислушиваясь, сделал пару шажков в нашу сторону. Он так и сделал, но все же не вышел на залившую ярким лунным светом улицу.

Громила прорычал:

– Ну давай, показывай...

Я уже изготовился в позицию для стрельбы, выстрелы прогремели сразу в момент, как только тяжелые рукояти из холодного металла впечатались в мои потные ладони.

Человек в тени дернулся и осел, а я моментально выстрелил уже в двух, что в центре. Третий успел прыгнуть на меня, но я отодвинулся и всадил в него две пули.

Вожак выхватил нож, но остановился, блестя широким лезвием. Я смотрел на него в упор, а в его надтреснутом голосе на этот раз прозвучал откровенный страх:

– Погоди... кто бы ты ни был... мы только пошутили...

– Неудачно, – ответил я.

Он поспешно отступил на шаг и вложил лезвие в ножны на поясе, но я снова сдвинул кулаки с пистолетами и нажал на спусковые скобы.

Его отбросило к самой границе тени. Там уже недвижим и человек в темном плаще, некрупный, явно не бойцовского сложения. Широкополая шляпа, скрывающая лицо, слетела с головы, обнажив лысину. Лежит лицом вниз, кровь все еще течет, расплываясь темной лужей. Хорошо, пусть лежит.

Понятно, что ничего не понятно, даже то, кто послал: сам королевский секретарь Курт или же послы Гарна и Пиксии решили проверить на излом. Похоже, хотели только проверить,

на покушение не похоже, но не жалею, что перестарался: кто знает, во что вылилась бы их проверка.

Еще сотню шагов в багровой тьме, которую лишь однажды озарило зеленым светом, и впереди наметился тупик, улица заканчивается, упираясь в добротный двухэтажный дом из природного камня.

Не богатый, но и не бедный, такие ничем не примечательные менее заметны в большом городе, кроме того, позволяют разместить незаметно как охрану, так и дозорных, что заранее предупредят об опасности.

Я поднялся на крыльцо, тоже широкое и добротное, хорошо здесь живут, толкнул дверь, не поддалась, но когда потянул на себя, пошла легко и без скрипа, несмотря на заметную мону-ментальность.

Коридор почти не освещен, если не считать шагах в пяти мелкую свечу на стене, там же в полной неподвижности ждет человек в низко надвинутом на глаза капюшоне.

Я остановился, а из-под капюшона донесся негромкий голос:

– На улице ничего не случилось? Вроде какой-то шум был...

– Правда? – спросил я в удивлении. – Даже шум?

– Ну да...

– Нет, – ответил я авторитетно, – не слышал. Я вообще-то, когда ем, то глух и нем... Благородный человек в глубокой задумчивости не должен обращать внимание на всякое свое-обычное. А города все шумные... Не думаете купить домик на природе?

Не поднимая головы, он сделал шаг в сторону.

– Вам сюда, – ответил так же коротко, – а потом по террасе налево. Там в конце дверь.

– Не проводите? – спросил я.

– Нет, – ответил он и растворился в темном проходе.

– Гостеприимные здесь люди, – пробормотал я.

Терраса вела вдоль стены достаточно долго, дом большой и зажиточный, а стена толстая и высокая. Неожиданно навстречу попала юная девушка с предельно низким вырезом пла-тья, так что видны даже края алых кружочков пышной, как сдобные булки, белой груди, что колыхается при каждом движении, словно распираема горячим молоком.

Она улыбнулась поощряюще, мой мужской взгляд трудно не заметить, прошла вплотную, ухитрившись задеть тугим горячим бедром.

Я оглянулся, как не посмотреть такой вслед, в самом деле задница пышная и круто при-поднятая, так и просится в ладони, задержал на лице это выражение, пусть те, кто наблюдает, убедятся, что меня стоит ловить и на такие приманки. Дескать, молодой, дурь в голове, за сиськи и жопу Отечество продаст.

Наконец вон дверь, я потянул на себя, неохотно начала открываться, настолько толстая и тяжелая, словно вся из каменной глыбы.

Голос из темноты произнес приветливо:

– Проходите в комнату, глерд Юджин!.. Там для вас зажигают свечи.

За моей спиной негромко, но по звуку слышно, что плотно, захлопнули дверь, потом довольно быстро позажигали светильники вдоль стен и свечи на середине стола.

В креслах двое немолодых глердов с приветливыми лицами, смотрят добродушно, оба улыбаются, один шире, другой более скуп, но доброта и благожелательность так и плывут от них волнами, вот-вот утопят.

Один сказал легко:

– Садитесь, глерд Юджин!.. Я Марк Грандерг, представляю в Дронтарии интересы моего королевства Гарн... а это мой друг и соперник, Левис Бурнель, он следит ревностно, даже слишком ревностно, чтобы не нарушались интересы Пиксии.

Я опустил в кресло, нужно что-то сказать, изрек так же непринужденно:

– А я представляю интересы самого себя, самого ценного для меня и любимого человека. И всегда стараюсь что-то сторговать к его выгоде.

Они засмеялись, как самой лучшей в мире шутке, нужно в этом месте начала разговора засмеяться, так принято, создает атмосферу, Марк Грандерг сказал с предельной благожелательностью:

– Мы рады встретиться с вами, глерд Юджин!.. Его Величество король Дронтарики ценит вас...

– Высоко ценит, – уточнил Бурнель значительным голосом.

– Что делает вас и нашим другом, – добавил Грандерг. – Мы соседи Дронтарики, а соседи должны жить в дружбе и всемерном уважительном уважении друг с другом.

Бурнель спросил с великим интересом:

– Вы ведь не дронtareц, верно?

Грандерг взглянул на него с подчеркнутым укором, это чтобы я видел, дескать, никакой командной игры, но тут же обратил взор на меня в ожидании ответа.

Я сказал без всякого смущения:

– Вижу, вы уже догадались. Да, все верно, я в своих странствиях и жажде повидать мир добрался сюда из очень далеких королевств. Скажу сразу, чтобы у нас не было недопониманий, я из очень просвещенного и развитого, где все лгут и предают друг друга, потому никакого – три ха-ха! – слова чести, как в Дронтарики и у прочих ее соседей. Вы, как дипломаты, меня понимаете.

Оба в самом деле, судя по лицам, понимают, но пока предпочитают слушать, потому нужно развернуть мое утверждение для большей ясности пошире, чтобы заиграло всеми красками гуманизма и демократической вседозволенности.

– У нас все, – пояснил я, – заключают друг с другом договоры, где подробно и тщательно прописывается каждый шаг и даже шажок, чтобы обмануть не было никакой возможности... Сами понимаете, если такая возможность где-то появится, каждый честный и свободомыслящий человек тут же воспользуется, чтобы ограбить и пустить по миру неудачника, упустившего какой-то пункт или допустившего его двойное истолкование.

Бурнель восхитился:

– Да, это признак культуры!..

– И просвещения, – поддакнул я. – Только дикари верили друг другу на слово, а я вот тоже предлагаю заключить с вами договор о всеобщей и взаимной выгоде.

Грандерг проговорил с интересом:

– Взаимной?

– Обоюдной, – сказал я. – Взаимной это вслух, а по пунктам договора лишь обоюдной.

Он сказал с сомнением:

– А так бывает?.. Если одному выгодно, то другому...

– А выгоду можно получить за счет третьей стороны, – напомнил я. – Которая об этом не подозревает.

Они оживились, Грандерг потер ладони.

– Ну-ну?.. Это уже интересно.

– Я имею в виду Дронтарию, – сказал я. – Скажу еще раз, я не дронtareц, как вы уже поняли, потому у меня нет дилеммы: предавать – не предавать, я никого не предаю, так как издавна...

Грандерг сказал с тем же интересом:

– А что в том договоре, который вы предлагаете?

– Я странствующий торговец, – сказал я, – но у меня уже есть связи. Я держу уши на макушке. До меня дошли достоверные сведения, что король Антриас, что правит Уламрией, намерен двинуть войска на завоевание Дронтарики. И уже двинул.

Они переглянулись, оба даже не стали изображать изумление, дескать, впервые слышат такую чушь, чего перед торговцем притворяться, Грандерг сказал тут же:

– И... что? Это еще не значит, что слух верен.

– А вдруг? – спросил я. – Представьте себе, что это правда. У нас, как просвещенных и думающих о будущем людях, появляются новые возможности. Кому война, как говорят в черном народе, а кому и мать родная, добавляют практичные люди. Мы должны урвать как можно больше, иначе какие мы гуманисты и демократы?.. Чем человек умнее и просвещеннее, тем больше нахапает. А когда в сражении сойдутся армии Антриаса и Астрингера, мы можем нахватать от обеих сторон как льгот, так и земель!

Бурнель заметил скептически:

– Это не значит, что победившая сторона не отберет все обратно.

Однако на его лице явная и ничуть не скрываемая заинтересованность, я сказал, усиливая нажим:

– Договор, заключенный сразу с тремя или четырьмя сторонами, становится международным, который расторгать в одностороннем порядке себе дороже!.. Нужно только правильно выбрать время, а потом составить договор достаточно умело. Когда армия вторгнется в Дронтарию, король Астрингер будет остро нуждаться в помощи со стороны, Гарн и Пиксия могут ее дать... за известные территориальные уступки. Это только справедливо, все-таки направить часть войск в помощь...

Грандерг покачал головой.

– Юноша...

– Да?

– Почему вы решили, что это сработает?

– В каком смысле?

– Что Астрингер обратится за помощью, а наши короли станут помогать?.. Не проще ли нашим правителям отхватить эти земли без всяких договоров и обещаний?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.